

Тысяча и одна ТАЙНА Парижских ночей

АРСЕН
ГУССЕ

Старая добрая... Франция

Арсен Гуссе

**Тысяча и одна тайна
парижских ночей**

«Азбука»

1875

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Гуссе А.

Тысяча и одна тайна парижских ночей / А. Гуссе — «Азбука»,
1875 — (Старая добрая... Франция)

ISBN 978-5-389-31109-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Поздним вечером, заскучав, пять сумасбродных светских девиц решили выпить чаю в обществе... самого Сатаны. Дьявол не явился на их ритуальный призыв, и тогда самая отчаянная из собравшихся, Жанна д'Армальяк, предложила нечистому... себя самое. Тут же слуга возвестил о прибытии маркиза Сатаны. Невероятный красавец, он выпил чашку чая в компании перепуганных девиц и удалился, пообещав Жанне, что каждую полночь станет являться к ней. Нетрудно догадаться, обещание свое маркиз выполнил, и даже перевыполнил, влюбившись во вздорную красавицу... Парижский полусвет живет и дышит страстями, а в такой атмосфере процветают только пороки – не потому ли черт появился именно в Париже конца XIX века? Правда, нравы прекрасных парижанок, которые он внимательно изучал на протяжении тысячи и одной ночи, изумили даже его... Созданный французским писателем Арсеном Гуссе, которого Эмиль Золя называл «одним из великих дубов романтического леса», этот роман пользовался в России огромной популярностью. Он был написан в 1875 году, а в Москве начал продаваться уже в 1877-м!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-31109-1

© Гуссе А., 1875

© Азбука, 1875

Содержание

Том первый	7
Книга первая. Монсеньор дьявол	7
Глава 1. Как девица Жанна д'Армальяк стала одержима бесом в лето от Р. Х. 1873-е	7
Глава 2. Маркиз Сатана	8
Глава 3. Как пять молодых девиц пили чай с дьяволом	10
Глава 4. Не следует шутить с адом	11
Глава 5. Разъезд после оперы	12
Глава 6. Ужин	13
Глава 7. Письмо, пригодное для того только, чтоб его бросили в печь	15
Глава 8. Схождение в ад	16
Глава 9. Дурное знакомство	19
Книга вторая. Сокровище мужа	21
Глава 1. Муж и жена	21
Глава 2. Тайны смерти	23
Глава 3. Отчего Роза-из-Роз упала в обморок	24
Глава 4. Сокровище виконта	26
Глава 5. Агония любви	27
Книга третья. Земной ангел	29
Глава 1. Предложение Сатаны	29
Глава 2. Эклога капитана	30
Глава 3. Как женятся	33
Глава 4. Первая неделя медового месяца	34
Глава 5. Вторая неделя медового месяца	37
Глава 6. Прогулка в Гульгат	38
Глава 7. Без названия	40
Глава 8. Пропась	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Арсен Гуссе

Тысяча и одна тайна парижских ночей

Arsène Houssaye

LES MILLE ET UNE NUITS PARISIENNES

Подготовлена по изданию «Тысяча и одна тайна парижских ночей, или Сердечные драмы», Москва, 1877 г. в типографии Индриха, Сретенка, дом Карлони

Перевод с французского, приведенный в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации, под редакцией Янины Забелиной

Серийное оформление и иллюстрация на обложке Екатерины Скворцовой

Оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Иностранка®

* * *

Том первый

Книга первая. Монсеньор дьявол

Глава 1. Как девица Жанна д'Армальяк стала одержима бесом в лето от Р. Х. 1873-е

В тот год случилось странное происшествие, о котором много говорили в Париже.

Однажды вечером в отеле на бульваре Мальэrb пять молодых девушек, три иностранки и две француженки, собрались во время отсутствия своих матерей, уехавших на бал. Бал был официальный, число приглашенных ограничено, и взять этих девушек никак не получалось. Впрочем, они рассчитывали повеселиться ничуть не меньше, нежели у министра.

Они начали с игры на фортепьяно, пения, танцев.

Так как после этого первого выражения веселости у них оставалось еще много времени, они стали опасаться скуки и спрашивали одна другую, как бы еще позабавиться. Каждая озвучила более или менее внятно собственную мысль.

– Ни одного мужчины! Это очень грустно! – сказала первая.

– Только одного? – вздохнула вторая. – Это или слишком много, или недостаточно.

Третья промолчала. Четвертая решилась упомянуть черта, а пятая весело предложила:

– Не пригласить ли его пить с нами чай?

Молодые девушки, хотя и христианки, были несколько суеверны. По их понятиям, Дух Божий давно восторжествовал, и монсеньор Сатана скончался в эпоху Средних веков более или менее поучительной смертью.

– Однако ж, – сказала первая, – нельзя слишком на это полагаться.

– Правда, – согласилась вторая, – веря в существование духа зла, мы верим в существование черта.

Третья заметила, что римско-католическая апостольская церковь зиждется на вере в духов. Она всюду допускает двух стражей: торжествующего ангела и падшего духа. Что же такое падший дух, как не воин Сатаны, который хватает вас при выходе от обедни и ввергает в бездну страстей. Не слова ли это святого Августина?

– Ну, – возразила пятая девушка, – если дьявол существует, то вызовем его.

Эта девушка – самая решительная, храбрая, смелая и самая необузданная в своих увлечениях, называлась д'Армальяк.

Легко сказать: вызвать дьявола, но еще нужно знать, как его вызывают. Одна предложила сделать круги, долженствующие изображать спиральную лестницу в ад. Другая упомянула о вертящихся столах.

– Что касается меня, – заявила Жанна д'Армальяк, – то я не знаю ни белой, ни черной магии, но думаю, что можно вызвать дьявола, сказавши: «Сатана, если ты не театральный черт, не страшилище, нарисованное на картине, то приходи в полночь пить с нами чай».

– Я не осмелюсь говорить так с духом тьмы, – выразила опасение одна из девушек, Мина Томсон, – впрочем, думаю, он не придет.

Д'Армальяк припомнила слова одного спирита, учившего, будто нужно подарить что-нибудь дьяволу, чтобы приобрести его расположение.

– Поступим так, – сказала она.

Первая не заставила себя упрашивать; в этот день она получила письмо от двоюродного брата, который хотел побрататься с нею; она вынула это письмо из портмоне и бросила в огонь.

– Настоящее адское пламя, – заметила на это д'Армальяк.

– О, потому, что письмо было пламенное, – отвечала жертвоприносительница.

– К несчастью, я не могу сжечь любовной записки, – пробормотала ее соседка. Она открыла портмоне и вынула оттуда банковый билет в двадцать франков.

– Вот все, что я могу подарить.

Она бросила в огонь двадцатифранковый билет. Он не запылал, подобно любовной записке, но, без сомнения, горел так ярко, что дьявол должен был почувствовать удовольствие.

Третья бросила в огонь прядь своих белокурых волос, упрямую прядь, которая являлась истинным магнитом для всех добивавшихся ее сердца и приданого.

– Вот так подарок! – вскричала д'Армальяк. – Я никогда не решилась бы на подобный поступок. Помните, что если дьявол поймает вас хотя бы за один волос, то овладеет всем телом.

– Я не боюсь, – заверила ее белокурая девушка. Но в глубине души она ужасно боялась.

Четвертая держала в руках платок, до того тонкий, что прошел бы через игольное ушко, дорогой для нее не потому, что стоил ее матери пять луидоров, а по иной причине: накануне в вальсе ее кавалер прижимал его к своим губам.

Сгорая вместе, платок и прядь волос распространили нежное благоухание.

– Ну, Сатана, ты должен быть доволен! – вскричала д'Армальяк.

Тщетно пробовали девушки еще потешаться над дьяволом, переглядывались без улыбки или с принужденным смехом, испытывая неопределенное беспокойство, которое охватывает душу в момент событий.

– Но вы, – сказала американка девице д'Армальяк, – вы еще ничего не подарили.

– Правда, я напрасно ищу подарка; у меня ничего нет. Первая пожертвовала любовь, вторая – деньги, третья – кокетство, четвертая – воспоминание. Что же мне подарить Сатане?

– Последуйте средневековым примерам, подарите себя.

– Как вы прытки, хотя сами пожертвовали только двадцатифранковый билет.

– А если я вместе с тем отдала и себя, потому что, имея эти деньги, могла сделать доброе дело и искупить смертный грех.

Д'Армальяк встала и нагнулась к огню зажечь свой веер в виде павлиньего хвоста – чудо, скрывавшее внезапный румянец и бледность ее бабушки.

Она принесла эту жертву единственно из похвальбы.

Странное и страшное зрелище представилось тогда: описывая круги горящим веером, д'Армальяк вскричала с увлечением древней пифии:

– Сатана, отдаю тебе свою особу на один год со днем!

Глава 2. Маркиз Сатана

За сим наступило гробовое молчание. Д'Армальяк хотела рассмеяться с той целью, чтобы изгладить неприятное впечатление от своего поступка, но смех замер на ее губах.

– Не заметили ль вы, как дрожал дым? – пробормотала американка.

– Я заметила только то, что часы показывают теперь полночь, – ответила Мина Томсон.

Часы пробили раз, два, три.

– Странно, – сказала американка, – они остановились.

Раздался четвертый удар, потом пятый, шестой, но так медленно и тихо, будто отголоски боя часов вдали.

Наконец, прозвучал седьмой удар; это была минута сильнейшего страха, потому что все пять молодых девушек явственно слышали, как человеческий или нечеловеческий голос проговорил каждой из них на ухо: *семь – восемь – девять – десять – одиннадцать*.

Двенадцать – это слово произнес голос над ухом д'Армальяк.

– Слышали?

– Да – кивнула Мина Томсон, – мне казалось, что ад открыл над моим ухом огненный рот и прокричал *одиннадцать*.

– Точно так, как и мне, – сказали прочие.

Пять молодых девушек придвинули кресла и стулья к камину, так что образовали плотную группу перед огнем, пораженную внезапным страхом. Вошел слуга и доложил о графе Корнвалийском.

Пять красивых головок повернулись; ни одна из девиц не знала графа Корнвалийского.

– На свете нет графов Корнвалийских. – Д'Армальяк знала наизусть родословную книгу титулованных фамилий.

Когда вышел слуга, гость сказал, кланяясь д'Армальяк:

– Вы правы; я для того только принял этот титул, чтобы войти в дом, не беспокоя вашей прислуги.

– Кто вы?

– Маркиз Сатана.

При этом имени все побледнели.

– И этого имени нет в родословной книге, – сказала Жанна д'Армальяк.

– И, однако ж, – отвечал маркиз, делая шаг, – я принадлежу к самым древнейшим родам. Некоторые дворянские фамилии начинаются со времени потопа, мой род еще древнее.

Д'Армальяк попробовала рассмеяться, но побледнела как смерть и не нашлась, что отвечать.

Маркиз Сатана продолжал:

– Вы сейчас вызывали меня. Я явился, что вам угодно?

Молодые девушки встали; они уже не смеялись, ибо перестали сомневаться в том, что видят перед собою дьявола. Одна упала в обморок, другая скрылась в соседнюю комнату, третья перекрестилась и спряталась за оконной драпировкой, четвертая упала на колени; одна только д'Армальяк сохранила присутствие духа.

– Я не боюсь вас, – сказала она, стараясь говорить твердо.

– Я также не боюсь вас, – возразил маркиз Сатана, нежно взявши ее руку. – Да и зачем меня бояться? Я добрый малый; приказывайте, и я буду повиноваться, но только помните: каждую полночь я буду господином вашего сердца и вашей судьбы.

– Что же вы сделаете?

– Это мой секрет. Теперь прошу спрятавшихся девиц прийти в себя и сделать мне честь пить со мною чай. Пусть не говорят, что вы меня вызвали только для того только, чтобы вытолкать за дверь как первого бродягу; не забудьте, я маркиз.

Он наклонился над упавшей в обморок девицей и дал ей понюхать спирта. Она открыла глаза и нашла его лицо до того красивым, что позволила ему поднять себя и посадить в кресло.

Потом маркиз обратился к стоявшей на коленях девице и сказал:

– Встаньте!

Та повиновалась бессознательно. Спрятавшаяся за оконной драпировкой сама возвратилась к камину, повинаясь таинственной воле маркиза. Последний отправился в соседнюю комнату и вывел оттуда Мину Томсон.

– Как! – мягко упрекнул он ее. – Вы, храбрейшая из всех, убежали скорее прочих!

Молодая девица почти улыбалась, желая видеть в маркизе лишь молодого человека, подслушавшего их разговор и хотевшего воспользоваться случаем.

– Вы никогда не убедите меня в том, что вы дьявол, – сказала она, всматриваясь в маркиза.

– Думайте, что вам угодно; я овладел вами, потому что беру свое всюду, где его нахожу.

Глава 3. Как пять молодых девиц пили чай с дьяволом

Маркиз позвонил; в дверях показался лакей.

– Подайте чаю, – велел ему маркиз тоном хозяина.

Приказание было немедленно исполнено.

Молодые девицы переглянулись, спрашивая самих себя, не сон ли это. По знаку маркиза они сели за стол, но почти не дотрагивались до чая и только толкали друг друга локтем или коленом, не смея поделиться вслух своими впечатлениями.

Чтобы развеселить их, маркиз принялся рассказывать им несбыточные анекдоты, но девицы не смеялись; впрочем, Мина Томсон попробовала улыбнуться насмешливо. Маркиз Сатана сидел между нею и Жанной д'Армальяк.

– Вы свой в этом доме? – спросила последняя, продолжая считать все за шутку.

– Я свой в каждом порядочном доме.

Маркиз разливал чай с женской грацией.

Молодые девицы тайком поглядывали на него.

– Посмотрите, – сказала испанка своей соседке, – как искрятся его глаза.

Маркиз услышал эти слова.

– Я отчасти ваш соотечественник, долго жил в Испании и назывался там Дон Жуан – Сатана.

Д'Армальяк скрыла свое волнение, рассыпавшись в любезностях маркизу.

– Дон Жуан – Сатана! Я хотела бы, чтоб мой муж имел такое прекрасное имя.

– В этом случае готов служить вам.

– Но я не жена вам.

Маркиз отпил чаю из японской чашки.

– Чай отличный в этом доме, и я приду опять, – сказал он, обращаясь к Томсон.

– Ну, монсеньор Дьявол, уходите, – сказала девица. – Напившись с нами чаю, вы должны доставить это же удовольствие другим. Скоро возвратится моя мать и сделает нам строгий выговор, если застанет в обществе такого прекрасного молодого человека.

– Не извольте беспокоиться, ваша мать не увидит меня. Я виден только вам, потому что вы меня вызывали; точно так же каждую полночь вы одни будете меня видеть.

Маркиз показал им волшебный камень: темно-зеленую яшму с красными крапинками.

– Этот камень скрывает меня от всех глаз.

– Как бы то ни было, – возразила Томсон, – я тогда только буду довольна, когда вы уйдете.

– Повинуюсь. – Маркиз поднялся. – Тем более что меня ждет в высшей степени добродетельная женщина, с которой я совещаюсь каждую полночь.

Маркиз встал, поцеловал руку Жанны д'Армальяк и вышел в дверь, как простой смертный.

– Наконец-то убрался! – выдохнула та, разглядывая прикрытую дверь.

– Эта шутка переходит всякие границы, – сказала испанка. – Кто он такой?

Все отвечали, что никогда не встречались с маркизом Сатаной, который явился так кстати.

– Однако ж я напрасно стараюсь смеяться, – признала Томсон. – Я вся дрожу. Видите, не следует шутить с огнем, особенно с адским.

Все пятеро старались убедить себя, что если это не был сон, то они принимали молодого человека, который ошибся дверью и подслушал их разговор.

Глава 4. Не следует шутить с адом

Решили скрыть все, и на другой день четыре молодые девицы вспоминали о приключении с единственной целью – посмеяться над ним.

Но пятая, д'Армальяк, проведя всю ночь в лихорадочном состоянии, почувствовала, что все ее мысли заняты исключительно приключением.

Вечером она отправилась в гости вместе со своей матерью. В полночь, к ее немалому удивлению, она вальсировала с маркизом Сатаной, хотя прежде обещала этот танец другому кавалеру.

– Это вы? – удивилась она.

– Ведь теперь полночь!

Ужас оледенил девицу.

– Пощадите! Пощадите!

И она хотела вырваться из рук маркиза, но чем больше старалась, тем крепче держал ее маркиз.

Но страннее всего было то, что он увлекал ее в танец с такой страстью, что Жанна, несмотря на свой ужас, чувствовала какое-то дикое, неведомое упоение.

– Как ты бледна, – сказала ей мать по окончании вальса.

– О, если бы ты знала, мама!

Мать изъявила желание знать, но дочь молчала.

На другой день Жанна д'Армальяк осталась дома и рано легла спать, но в полночь проснулась и увидела маркиза Сатану, который смотрел на нее с любовью.

– Опять вы! – сказала она, бросаясь к другому краю постели.

– Опять я! – отвечал он нежно. – Не говорил ли я вам, что в полночь всегда буду вашим господином?

Пробило полночь.

– Как долго бьют часы! – воскликнула девица, приходя в еще больший ужас.

Прежде чем раздался двенадцатый удар, маркиз Сатана успел прижать ее к своему сердцу и поцеловать.

– Странно, – сказала она, побледнев, – я как будто пьяна.

К счастью, маркиз уже исчез.

И всякую следующую полночь, где бы ни находилась – в театре, на балу, концерте или у себя дома, – она получала поцелуй. Маркиз Сатана не заставлял ждать себя.

Напрасно защищалась она: ее сжимали пламенные объятия и целовали огненные уста.

Она приходила в трепет, бледнела, иногда вскрикивала и падала в обморок; поэтому ее мать говаривала:

– Я в отчаянии: у моей дочери бывают минуты умопомешательства.

Эти минуты длились не больше двадцати секунд, но секунды эти были двадцатью веками для Жанны д'Армальяк. И никто, кроме подруг девиц, участвовавших в приключении, не знал причины внезапной бледности и обмороков Жанны.

Она удивлялась, что ее мать не видит маркиза Сатану, являющегося в полночь. Однако припомнила, что маркиз показывал ей драгоценный камень, делавший его невидимкой.

Четыре подруги начали думать, что дело принимает серьезный оборот.

Они не слишком хранили тайну, но говорили о событии с таинственным видом. Некоторые из знакомых им спиритов, предавшихся мании столоверчения, утверждали, что Сатана набирает себе сторонников в Париже.

Мина Томсон, единственная наперсница Жанны д'Армальяк, говорила себе: «Она дурно кончит».

Но все это происходило зимой 1873 года.

Глава 5. Разъезд после оперы

Около того же времени случилось другое происшествие.

Это было во время разъезда после оперы. Женщины не скрывали своих бриллиантов – улыбок – взглядов. Все они так или иначе сыграли в зале свою маленькую комедию, но окончательное слово произносили на лестнице.

Одна прощалась со своим любовником, подмигивая ему через плечо мужа; другая оскорбляла соперницу высокомерным взглядом.

Немного выше выступала герцогиня С. Клотильда, гордясь своей добродетелью.

Свежая и румяная графиня, прозванная Саленсийской розой, просила своего кузена, гусарского лейтенанта, охранять ее юбки. На шлейф ее платья наступили еще только три раза – и это был ее кузен!

Нельзя думать обо всем. Гусарский лейтенант был занят единственно модной девицей, сидевшей в амфитеатре и скрывавшей свою бурную ревность и грубые прелести под платьем цвета увядших листьев.

Юная проказница на невероятных каблуках со своей обычной дерзостью говорила ополумевшему музыканту, вознесшемуся на седьмое небо:

– Потрудитесь убрать свой нос, который мешает мне видеть бриллианты мадам Паива.

Музыкант повернул свой нос, громадный, как монумент. К несчастью, проделав это, он помешал другой любопытной особе созерцать жемчуг госпожи Мюзар.

В эту минуту рассеянный дворянин наступил на шлейф княгине, декольтированной донельзя.

– Глупая тряпка! – отреагировала княгиня.

– О, – возразил рассеянный дворянин, – ей приличнее быть на вашей груди, чем в устах.

– А-а! – сказал кто-то. – Вот идут лишенные трона короли.

Действительно, я увидел двух испанских, трех итальянских королей и нескольких французских принцев, спускавшихся с лестницы.

– Посмотрите, – сказала герцогиня, указывая на герцога Омальского, – разве он не был бы прекрасным королем Франции, если бы не вмешивался в наши дела?

– Вмешательство очень полезно, – заметил Каролус Дюран.

– А что вы скажете о герцоге Немурском? – произнесла одна дама. – Вот настоящий Генрих V, потому что он похож на Генриха IV.

Затем спрашивали, не принадлежит ли к числу сверженных королей красивый мужчина, шедший рядом с принцами как равный с равными.

Это был молодой человек, белокурый, с рыцарской осанкой, изящно одетый и во всевозможных орденах. Он обедал у министра, предполагал ужинать у актрисы.

Я обводил глазами живую лестницу, кланяясь направо, налево и отыскивая одного из четверых моих друзей.

Четыре друга – не более и не менее.

К несчастью, ни один из них не был в опере, хотя давали «Дон Жуана». Но это была золотая клетка без соловья.

Белокурый повернулся ко мне и сказал с симпатической и вместе с тем насмешливой улыбкой:

– Вы ищете своих друзей? Первый курит перед Тортони; второй позлащает свои железные цепи; третий ложится в постель с намерением читать Монтеня.

Я молча взглянул на странного репортера; он продолжал:

– Ах, извините, я не имел чести быть вам представленным, но мы старинные знакомые. А вот, кстати, и Мари Коломбье, которая послужит нам соединяющим звеном.

Хотя я не люблю знакомиться с первым встречным, однако покорился обстоятельствам. Коломбье представила мне своего друга, говоря:

– Господин Сатана, благородный иностранец, отечество которого мне неизвестно, так как он много путешествовал. Он очень умен и очень богат. Мы ужинаем вместе, и вы должны быть нашим собеседником.

Пока говорила Мари Коломбье, я заметил, что благородный иностранец поднял руку над проходившей женщиной, будто приветствуя ее.

Но это не было приветствие.

Я немного удивился, заметив, что указательный палец нового знакомого загорелся ярким пламенем.

– Что вы делаете? – спросила актриса.

– О, это старая привычка. В своих путешествиях я выучился по-еврейски и, чтобы не забыть, написал на этом языке предсказание на лбу этой дамы.

Он поклонился нам и ушел вслед за ожидавшим лакеем; у подъезда стояло купе монсеньора.

И я сказал Коломбье, что ее знакомый странная личность.

– Берегитесь, вы, возможно, принимаете одного из тех иностранных принцев, все владение которых ограничивается парижской мостовой.

– Не бойтесь, я видела его паспорт: он мальтийский командор, испанский гранд, герцог и еще кто-то, но путешествует инкогнито, под именем господина Сатаны.

– Господина Сатаны! Чертовское имя!

– Ведь я говорила вам, что он древнего рода! Пойдем ужинать.

Глава 6. Ужин

Маркиз Сатана не заставил себя долго ждать. Он вошел в гостиную актрисы, как барон в свои владения; разговаривал со всеми будто возвратившийся из путешествия друг, а не как посторонний человек, ни с кем не знакомый.

Случаю угодно было посадить нас почти рядом за ужином – разделяла нас только прозрачная актриса.

Ужин был очень весел.

Остроумие искрилось, как шампанское в бокалах.

Маркиз, объехавший Землю, говорил, как подобает человеку, повидавшему целые миры.

Он знал все. Он вызывал тени прошедшего, начиная от самой глубокой древности, будто являлся современником великих людей всех времен. Речь его была звучна и блестяща. О чем бы его ни спросили, он тотчас отвечал. Его нашли бы обворожительным, если бы в нем не проглядывала по временам какая-то презрительная снисходительность к собеседникам.

Разумеется, говорили о театре. Он допускал только трех комических поэтов: Аристофана, Мольера и Бомарше. Остальные, по его мнению, только литераторы, самый скверный род людей, потому что они живут и говорят, повинувшись не своему сердцу, а согласно прочитанным книгам.

– Например, – сказал он, – я знал одного из них, начавшего мастерски и окончившего ученически, потому что имел несчастье заглянуть в книгу, вместо того чтобы по-прежнему читать великую книгу природы.

Говорили преимущественно о женщинах: и в этом отношении, как во всех прочих, маркиз доказал, что никто не может его превзойти.

Было три актрисы, готовых защищаться зубами и когтями. Болтовня достигла сверхъестественных размеров. Все удивлялись тому, что имели столько ума и, казалось, находились в неведомой доселе атмосфере, наполненной электрическими искрами.

Вдруг Коломбье вскричала:

– Что-то горит! Разве не ощущаете вы запаха?

– Кто знает! – ухмыльнулся маркиз. – Быть может, под нами открыта дверь в ад.

После ужина, когда стали разъезжаться, он предложил мне место в своем купе.

Как только мы расселись по углам, он закурил сигару, которая загорелась сама собой.

– Я позабыл предложить вам, – сказал он. Достал сигару с искоркой на кончике и совсем зажженную подал мне.

Я не хотел, чтобы он продолжал рисоваться передо мной.

– Мой друг, – обратился я к нему, – благодарю за первый шаг к сближению. Мы старые знакомые, но я видел вас только издали.

– Серьезно? Вы меня знаете?

– Знаю хорошо. Ведь вы Сатана.

Маркиз засмеялся.

– Тсс! Я путешествую инкогнито.

– Зачем приехали в Париж?

– Развлечься, подобно всем развенчанным королям.

– Так вы развенчанный король?

– А вы этого не знаете? Нашли, что мне нечего делать; что я даже слишком много работал. Теперь, когда дан толчок, зло развивается само собой. Захотели сберечь мое жалованье. Меня лишили всего, даже прогнали. К счастью, я переслал несколько миллионов в чужие края. Я пользуюсь неограниченным кредитом у Ротшильда. У Вечного Жида было пять су в кармане, у меня же – двадцать пять луидоров. Я нашел, что ваши добродетели и ваша совесть мне по плечу.

– Тише! – возразил я. – Во Франции еще есть французы и француженки.

– О, немного!

Я стал защищать своих соотечественников и соотечественниц.

Дьявол разразился совершенно адским хохотом.

– Вам, – продолжил я, – известны только совесть честолюбивых и добродетели полусвета.

– Вы говорите о совести и добродетели?

Он язвительно-насмешливо улыбнулся.

– Мой друг, я не имею ни величия, ни достоинства, ни энтузиазма – никакого подобного качества, – но обладаю рысьими глазами и волчьими ушами. Я умею видеть и слышать. Жизнь – бал, где все надевают маску и домино, чтобы скрыть свои совесть и сердце. Не хотите ли заняться их сниманием?

– О, это будет новое схождение в ад, – покачал головой я. Мы подъехали к моей двери. – Seriously, как ваше имя?

– Вы сами сказали: дьявол. Вот моя карточка:

Маркиз Сатана, герцог д'Антас.

24, Авеню де Императрис.

Я прочитал эту карточку при свете каретного фонаря.

– Даже в Испании нельзя называться Сатаной, – сказал я маркизу, – притом вы знаете: я не верю в черта.

– Не прикидывайтесь неверующим. Неужели вы думаете, что я первый черт, попавший в Париж? Благодаря Богу это наше второе отечество. Всякий из нас является сюда пожить на счет женщин. Нельзя быть хорошо воспитанным, не пожив в Париже. Но мы остерегаемся

говорить, кто мы. Черти далеко не так скверны, как их представляют. Мы всегда строго следовали моде и даже предупреждали ее. Мы задавали тон, а хорошим тоном не зовется ли теперь дурной? Однако я заговорил вышедшим из моды языком, следовало бы сказать «шик». Знайте, мой друг, всегда среди самого лучшего общества в Париже у вас был какой-нибудь черт и служил вам примером.

– Ерунда какая, – снова возразил я маркизу. – Мы сами могли бы поучить черта.

– Потому что постоянно учитесь у него, – отвечал он. – До завтра! Не забудьте, мы ужинаем вместе.

– В котором часу вы ужинаете?

– В полночь.

– А где ужинаем? В аду?

– Успокойтесь: в парижском аду.

– Прощайте.

Глава 7. Письмо, пригодное для того только, чтоб его бросили в печь

На другой день я получил следующее письмо, достойное быть прочитанным:

Будем друзьями, но не спрашивайте меня, кто я: человек или не человек
– все равно.

За свои грехи я осужден быть любопытным.

Вот почему меня изгнали из традиционного ада в парижский.

Я не апеллировал против приговора.

Творец, не желающий смерти грешника, потому что смерть есть покой или отдых, дал мне отличное место в адской комедии несравненного города.

Для меня нет масок. Нет и игры веером.

Я читаю во всех сердцах и забавляюсь глупостью влюбленных, которые не умеют читать. Хотелось бы иногда подсказать им роль, но я осужден молчать.

В качестве зрителя, знающего игру страстей, я в самом начале уже вижу конец. Я сужу о драме или о комедии, но не аплодирую и не свищу.

Сегодня у меня нет дела, и я готов рассказывать вам романы.

Нет, не романы, а истинные события.

Я вижу, как перед моими глазами развивается то веселый, то трагический сюжет: смех на мотив отчаяния.

Чем больше изучаю я парижскую жизнь, тем больше убеждаюсь в том, что человек должен пройти сперва через сферу зла, чтобы достигнуть области добра.

Не есть ли Магдалина символ этой теории, дьявольской – высказанной Мефистофелем?

Итак, если угодно, я начну рассказывать вам странные и драматические события «Тысячи и одной парижской ночи».

Мой кузен, Хромой Бес, вскрывал крыши домов, чтобы узнать тайны. Я все упростил. Я сделался парижанином, безупречным, если не бесстрашным. Я бываю на всех празднествах – как у принцессы, так и у актрисы. Я вожусь со спортсменами, охотниками, театрами, клубными игроками и с жертвами мадемуазели Цветок Зла.

Я представляюсь всюду, здесь и там, и еще дальше. У меня в кармане двадцать пять луидоров. Мне говорят: этого мало. Я отвечаю: довольно с избытком.

Чего нельзя купить даже за пять луидоров?

Но оставим это в стороне. Если позволите, мы будем беседовать после каждой истории. Мораль стану объяснять я – как добрый малый.

Маркиз Сатана

P. S. Не забудьте, что завтра я жду вас ужинать.

Читая это письмо, я обвинял дьявола в педантизме, но напрасно хотел прекратить это дурное знакомство: тайная сила влекла меня невольно.

– Ну, *alea jacta est!*¹ – сказал я, подбрасывая шляпу. – Перейду адский Рубикон и отправлюсь ужинать с чертом.

Глава 8. Схождение в ад

В полночь я стучался в дверь маркиза Сатаны – в дверь красивого отеля рядом с принцессой.

Стоявший постоянно на часах негр проводил меня к Его Мрачности.

– Вот и я, любезный дьявол, с адским аппетитом, – проговорил я.

– Дорогой философ, – отвечал мне дьявол, – сегодня мы ужинаем не вдвоем, несколько молодых девиц назначили мне свидание в Английской кофейной. Для вашего ума это будет настоящий пир, потому что каждая из них постарается произнести побольше глупостей. Но час ужина еще не пробил, и, если угодно, мы отправимся пока в парижский ад.

– Разве, по вашему мнению, Париж ночью стоит Парижа днем?

– Вы правы, за добродетель перестали награждать, и всякий человек спешит показать новый порок.

Маркиз Сатана напомнил мне схождение Данте в ад; но что значит ад Данте, ад наказаний, в сравнении с Парижем, адом проклятий?

С Данте углубляешься в мрачную ночь мучений, но плачут одни только призраки. Париж же есть ад живых: слышны крики и рыдания, но кричат и рыдают страсти. Люди стремятся невесть куда, закрыв глаза, через изменяющую, через продажную, через убивающую любовь. Ради увеселения сердца – должны же смеяться уста – терпят ненависть, гнев, мщение, позор всякого рода; переходят от отчаяния к отчаянию. Отвергают сестру, жену, дочь, если только не хотят жить профанацией и развратом.

Каччанемико Данте продавал свою сестру, прекрасную Гизолу; сколько людей продают своих жен и дочерей, и нет демона, который бичевал бы их, крича: «Прочь, развратник! Здесь нет продажных женщин».

Судьба смеется над всеми; многие носят крест за измену отечеству или другу; этот бросает свой герб в банковую тьму; тот принимает псевдоним, чтобы низвергнуться в ад журнализма.

Вот женщина идет творить добрые дела, но она не вернется домой иначе, как предав разврату мать своих детей; вот другая, одержимая неутолимой жадностью золота, продает себя путем брака восьмидесятилетнему старцу, чтобы приобрести вскоре двадцатилетнюю праздную жизнь; вот прелестные шалуньи, отправляющиеся в рошу в столь небрежно-сладострастных и невинных позах, замышляют разорение семейств; но для них мало черпать золото обеими горстями: они возьмут также и сердце и бросят его под ноги своих коней, они возьмут также и душу и ввергнут ее во мрак раскаяния.

¹ *Alea jacta est* (лат.) – «жребий брошен», досл. «кости в действии» – фраза, которую, как считается, произнес Юлий Цезарь при переходе пограничной реки Рубикон на севере Апеннинского полуострова. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Но обратимся в другую сторону. Вот прибегающие к Творцу, но отвергаемые им, потому что выходят из дома молитвы в сопровождении семи смертных грехов; да, эта молится, но молитва не ломит ее гордыни; та преклонила колени на холодном камне, но сладострастие сжигает ее постоянно. Маркиза завидует герцогине; герцогиня жадна и физически, и нравственно, она хотела бы отнять для своего завтрака всю долю бедных. У этой мешчанки кошелёк набит золотом, но она редко его открывает. Эта угрюмая добродетель оскорблена до глубины души и гневается на всех красивых женщин; она бьет своих детей, чтобы наставить их на путь истины; она бьет саму себя, чтобы оправдать свою злобу. Эта мать семейства, окруженная целыми толпами, засыпает на ложе из роз, не помышляя о соломенном одре своих детей. А сколько еще других смертных грехов, кроме символизированных церковью? Что такое ложь? Измена? Клевета? Тому, кто сказал, что женщина – четвертая богословская добродетель, можно бы ответить: это восьмой смертный грех. Но что значат все эти грехи? Мы в розовом аду, спустимся по спиралям преступления. Вот угол воров: все воруют; не смотрите за весами торговца, но берегитесь его совести. Все поддельно, как у торговца общественными удовольствиями, так и у продавца колониальными товарами, в которых нет ничего колониального. Взгляните на мелкого торгаша, когда он спускается в погреб, заперев свою лавочку; уверяю вас, что он имеет целью фабриковать вино и кофе, в которых не будет ни того ни другого; но успокойтесь, его сегодня же обокрал биржевик, которого обворует его любовница, а ее обкрадет друг ее сердца, не говоря уже о ее кухарке.

Поднимемся на одну ступень. Вот свадьба; женится молодой скептик, скрывающий свои долги; но завтра же его поймает тесть, который на другой день обанкротится или вступит в новый брак.

Что остановило вас на краю набережной? Не эта ли несчастная, бросающая в воду своего ребенка? Не осуждайте ее. Она обезумела от любви и не отступает перед преступлением, потому что у нее еще осталась последняя искра невинности. Где виновный? Он весело ужинает в Золотом Доме. Язон отдал своему вознице прекрасную Гипсипилу². Данте осудил его бегать от одной пропасти к другой перед окровавленным кнутом. В Париже Язона увенчали бы розами.

Напрасно отвращаете взоры: всюду одно и то же зрелище, если только оно не заменяется убийством и грабежом. Но подождем еще спустаться в этот кровавый ад: мы встретили бы на первом шагу Чакко³ Данте, мрачное сумасшествие маркиза де Сада, измельчавшее бешенство сладострастия Нерона, контрабандный таинственный яд Медичи и всевозможные кровавые оргии.

Данте, мрачный и глубокий гений, освещает страсти адскими факелами и небесным светом; но не преступил ли он меры, бичуя живым огнем столько непокорных и грешных людей, которые были бы приняты в лучшем парижском обществе? Не жестоко ли наказана Франческа да Римини⁴ за два поцелуя, которые едва были преддверием прелюбодеяния? Данте был страшен для бедного мира: он вызвал бурю, чтобы разбить сластолюбцев о неприступные скалы, он выпустил, как в отчаянной битве, чудовищ против скупцов, он погрузил обжор в вечную грязь, гневливых – в кипучий ил, тиранов – в кровавое море, законников – в вечно кипящую смолу; он дал огненное ложе еретикам, свинцовую мантию – лицемерам, жупел – лесбиянкам; он превратил самоубийц в страдающий кустарник, мошенников – в гадов; он одел Улисса огненным

² Гипсипила – дочь царя Фоанта, спасшая отца при избиении мужчин на Лемносе; героиня не дошедших до нас трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида.

³ Чакко – один из персонажей «Божественной комедии» итальянского поэта Данте Алигьери, чревоугодник, находящийся в смрадном болоте под холодным дождем в третьем круге ада. Данте ему сочувствует, поэтому именно он предсказывает Данте его будущее изгнание.

⁴ Франческа да Римини (1255–1285) – знатная итальянская дама, ставшая одним из вечных образов в европейской культуре. Ее трагическая судьба запечатлена в произведениях литературы, живописи, музыки и кинематографа.

одеянием; он вскрыл утробу Магомета; он набросил гнойный покров на жену Пентефрия ⁵. Данте придумывал всевозможные мучения, всегда находя, что мучимый мало страдает.

От всех мучений огня он перешел к мучениям холода, от которых падает клочками плоть. Здесь умирают, не умирая. Замерзанием во льду начинается бесконечный ряд других страданий: это гробовая тишина, но не смерть! В холодном аду нет утешения в движении или жалобе; никто не говорит, никто не слышит. Там-то трехглавый Сатана льет слезы из шести глаз, когда жует знаменитого грешника Иуду, постоянно пожираемого и вечно не умирающего.

Я понимаю казнь Иуды, предавшего своего Бога, учителя, друга; но зачем та же казнь для Брута? Изменил ли он своему отечеству, поразив Цезаря?

Данте грозит во имя Бога-мстителя; ему неизвестен милосердный Бог. Что сказал бы он теперь о парижском аде, где всякого рода измена, лицемерие, роскошество, мошенничество живут на широкую ногу, с безоблачным челом, светлым взглядом, с улыбкой на устах. И между тем все эти личности, полные гордости и окруженные удовольствиями, уже давно пребывают душой в аду, и только их телесная оболочка осталась на земле.

Бросив беглый взгляд на тайны ночного Парижа, мы отправились в Английскую кофейную ужинать с актрисами, в числе которых находилась Роза-из-Роз, считавшая себя остроумной потому, что была шумна; Олимпия, считавшая себя красавицей потому, что ее одевал Ворт; Мария, считавшая себя молодой потому, что была раскрашена; Адель, считавшая себя неодолимой потому, что ее прозвали Цветком Зла.

– Это ваша кухня? – поинтересовался я у дьявола.

– Троюродная сестра. Она работает отлично и уже разорила трех глупцов. Вчера из-за нее дрался один идиот, завтра будет убит другой. Полезно оказаться в числе ее друзей.

Ужин был богат шампанским, но не весел. Роза сделала открытие, будто шампанское располагает к глупости, потому что сегодня вечером все глупы.

– Недурно! – заметил дьявол.

Говорили о любви и вышедшем из моды божке, который нашел себе убежище в комической опере. Дьявол решил, что следовало бы послать его в провинцию.

– Нет, нет, – возразила Цветок Зла, – я сделала из него себе грума. Он передает мои письма. Я заставлю его носить шлейф моего платья.

– Я, – сказала Мария, – я верю еще в любовь и докажу это тем, что оставлю вас всех, как только мой любовник покажет нос в дверях.

– Полно! – усмехнулся маркиз Сатана. – Ты любишь своего любовника?

– До безумия. Я готова за него броситься в огонь.

Дьявол вынул свои легендарные двадцать пять луидоров и бросил их Марии.

Это были пять монет по сто франков, новенькие, с молоточка.

– Отлично! – сказала Мария с радостью на лице.

Остальные четыре протянули руки.

– Хватит на всех! – вскричала Роза.

– Посмотрите, – обратился ко мне дьявол, – все пятеро соблазнены пятью стофранковыми монетами. А между тем они принадлежат к числу богатых актрис, имеющих кареты.

– О, – вскричала Цветок Зла, – я беру свою долю только по принципу. Что значит пять луидоров!

Дьявол посмотрел ей в лицо и отвел ее к двери.

– И ты любишь своего любовника, старого парикмахера, который благодаря твоей протекции играет теперь роли первых любовников в Монмартрском театре?

– Кто это сказал тебе?

– Я знаю все.

⁵ Намек на библейскую жену Потифара искушавшую целомудренного Иосифа.

- Ну так знаешь и то, люблю ли я его.
- Маркиз Сатана взял ее руку:
- Держу пари, что сегодня же ты откажешь ему, если я вздумаю предложить тебе свои услуги.
- *Pardieu!*⁶ У тебя денег куры не клюют.
- Дьявол соблазнил Цветок Зла.
- Но, – предупредил он ее, – твой любовник похудеет с горя.
- Пусть умрет, если хочет, – ответила Цветок Зла, целуя стофранковую монету.

Глава 9. Дурное знакомство

Я остался с тремя актрисами.

– Он отличный человек, – сказала Роза-из-Роз, когда уехал маркиз Сатана с Цветком Зла.

– Да, – заметила Мария, – человек, который дает по пятьсот франков, не требуя платы той же монетой.

Для этих особ плата той же монетой есть женщина.

Я возвратился домой, размышляя обо всех моих дурных знакомствах, начиная с маркиза Сатаны.

Кто бы он ни был, я не боялся его и даже находил некоторое удовольствие презирать его влияние, гордиться перед ним и громче него смеяться над человеческой мудростью. Он дал мне неслыханный дар: второе зрение. При помощи его глаз я видел так же, как своими собственными, и потому с этих пор не существовало для меня никаких тайн. Я прослежу обе параллельные линии, по которым идет человеческое сердце, я разгадаю загадку истины и загадку лжи; присутствовал ли когда кто-нибудь при подобной комедии? Жизнь – маскарад, на котором не будет для меня масок.

С тех пор как черт подал в отставку и ушел из ада, он, вероятно, расхаживает между нами в виде любезного человека, прекратившего дела, и нет в нем ничего адского. Колдуньи перестали собираться на шабаш, ворожеи не открывают более своих святилищ, алхимики перестали делать золото. Фауст был последним воплощением Сатаны.

Если с эпохи Возрождения он и пробовал расставлять сети на земле, то никто не попал в них, потому что он добрый малый. И, однако, напрасно ратуют против вызывания духов: страсть к чудесному присуща человеческому сердцу.

Как бы то ни было, я далеко не восхищался своим знакомством с маркизом Сатаной; он был большой барин, но вместе с тем авантюрист. Он забавлял меня своим резким и глубоким умом; своим искусством увлекать женщин, своими злыми выходками против человечества; казалось, он побывал в университете Лабрюйера, Ларошфуко, Шамфора и Бомарше⁷. Напрасно говорил он мне, что явился прямо из ада, – я не хотел верить ни одному слову. И, однако, с ним я переходил от одного удивления к другому.

Каким образом знал он так хорошо все известное и неизвестное мне, мне, читающему уже давно книгу современных страстей? Почему так близко знаком с Парижем, хотя случайно попал в него? В одну зиму он сделался общим другом, но преимущественно другом модных женщин. Нет актрисы, которая не ужинала бы с ним! Ни одной куртизанки, которая не предложила бы ему места в своем купе! Ни одной женщины полусвета, которую бы он не уверил в том, что она покоряет свет большой.

Париж тем замечателен, что иностранцы, едва вступив в него, чувствуют себя как дома. Русский, испанец, англичанин, итальянец всюду имеет доступ, лишь бы принадлежал к поря-

⁶ Черт возьми (*фр.*).

⁷ Известные французские вольнодумцы, литераторы и остроумцы XIX века.

дочной фамилии и был богат; даже туда, где не скоро пускают благородного парижанина, иностранец входит первым; он присутствует на всех публичных и семейных праздниках; у него не спрашивают, откуда и куда идет. Ему оказывают шотландское гостеприимство, никогда не спрашивая о его происхождении. Вот почему встречаешь иногда в лучших салонах принца, которого не пустили бы на порог в другом городе.

Каждый день я давал себе слово проверить титулы маркиза Сатаны, но поток жизни увлекал меня, не давая времени опомниться. Однако в один прекрасный день я отправился к префекту полиции и заговорил с ним о маркизе.

– Кажется, – начал префект с улыбкой, – вы хотите порыться в полицейских актах, относящихся к маркизу. К несчастью, Коммуна⁸ сожгла их все. С тех пор как стали путешествовать без паспорта, можно приехать из ада с нарочным поездом, и я не буду иметь права спросить: «Откуда ты и куда едешь?» Все уверены, что это дьявол; почему же не так? Его сила и лукавство доказываются тем, что он никогда не говорит о себе. Маркиз Сатана бывает в лучшем обществе, если только есть теперь лучшее общество. Он платит наличными, и притом щедро. Он порицает добродетели, но не бьет женщин. Следовательно, префекту полиции не о чем спросить его.

– Я полагал, что Франция и ад хотя и соседи, однако договора об уничтожении паспортов не подписывали.

– Я доложу об этом правительству. А зачем вам такие подробные сведения?

– Этот черт вверил мне политические тайны, которые приведут вас в содрогание. Он сказал мне, как окончится Республика, как принц...

– Тсс, – произнес префект, – если станете рассказывать дальше, мне придется вас арестовать.

– С вами за компанию.

Префект предложил мне сигару.

– Это сигара маркиза Сатаны. Вот все, что я знаю.

– Курил! Курил их! – отвечал я, кланяясь остроумному префекту.

Я отчаялся разгадать тайны дьявола. Я ничем не рисковал; продолжал видеться с ним из-за непреодолимого любопытства, тем более что захотел расспросить его о некоторых загадочных женщинах, и преимущественно о д'Армальяк.

⁸ Парижская коммуна – революционное правительство Парижа во время событий 1871 года.

Книга вторая. Сокровище мужа

Глава 1. Муж и жена

В этот день монсеньор Сатана звал меня в лес.

Его лошадь – самое капризное в мире животное, родившееся на заводе герцога Гамильтона. Все любовались ею, поэтому она капризничала, как захваленный актер; например, хотела во что бы то ни стало идти на двух ногах, будто человек, подняв две остальные с радостным ржанием.

Мы ехали в баснословно легком экипаже, так что я считал себя на волосок от смерти и не рассчитывал на спасение. Раз взял вожжи: лошадь принялась вальсировать, толкая все проезжавшие экипажи.

– Роза! – крикнул дьявол Розе-из-Роз, вышедшей из экипажа на берегу озера. – Помогите укротить лошадь, с которой вы так хорошо управляетесь.

Действительно, Роза некоторое время владела этой сумасшедшей кобылой. Она уверенно подошла к животному, говоря с ним ласковым и твердым голосом. Лошадь, казалось, узнала Розу, наострила уши и стала перед ней как вкопанная.

– Видите ли, – сказала нам Роза, – мне стоит сказать слово, и все повинуются. – Потом прибавила: – Как люди, так и животные. – И принялась ласкать свою старую подругу. – Теперь можете продолжать свою прогулку; лошадь полетит как стрела.

– Услуга за услугу, – сказал дьявол Розе, – сегодня вечером умрет один из ваших друзей; навестите его около полуночи.

Едва мы успели поклониться, как были уже далеко.

– Что значат ваши последние слова? – спросил я у спутника.

– Не знаю еще сам, что случится, – ответил он, – но знаю, что готовится странная драма. По возвращении из леса мы отправимся, если угодно, взглянуть на эту кровавую комедию.

Через полчаса мы оказались на проспекте Эйлау, в маленьком старинном отеле; разумеется, дьявол не замедлил предложить мне историю.

В комнате собрались пять человек, не считая умирающего: священник, напутствовавший его и оставшийся поговорить; сестра милосердия, читавшая отходную; лакей, поддерживавший умирающего; старый друг, желавший закрыть ему глаза; наконец, врач, удивлявшийся медленному наступлению смерти.

– Кончено, – сказал вдруг врач.

Лакей отнял руки от покойного, священник подошел к постели, старый друг нагнулся над ним, взяв его за руку.

– Мой лучший друг! – прошептал он.

Этот единственный друг покойного был Лашапель, спортсмен, занимавшийся исключительно лошадьми и хорошенькими женщинами.

Был декабрьский вечер, но подступала ночь, ибо небо покрылось густыми тучами; поэтому зажгли свечи на камине, хотя было еще только четыре часа.

Сестра милосердия, подумавшая обо всем, вышла и почти в ту же минуту возвратилась с двумя восковыми свечами, которые поставила возле смертного одра.

Недалеко от постели находился сосуд для святой воды в виде ангела, который несет младенца на небо, – чудное произведение византийского художника. Сестра милосердия обмакнула древесную ветвь в святую воду и окропила лицо умершего.

В комнате царило глубокое молчание, побудившее кухарку Викторию сказать:

– Точно боятся разбудить бедняжку!

Этот бедняжка был виконт Арман де Мармон, который еще в ранней молодости отличался задорной гордостью в модном свете. Он вступил на дипломатическое поприще, но, в сущности, жил сложа руки, хотя имел весьма ограниченное состояние.

Он был беден и дерзок, ни с кем не уживался и ссорился со всеми. Доброе сердце и плохая голова. У него остался только один истинный друг. В минуты гнева он восстановил против себя всех своих знакомых.

Находясь при лондонском посольстве, он женился на шотландке оссиановского типа, символе воплощенной поэзии, что, впрочем, не мешало ей иметь все стремления плотской и животной жизни. Жадная, злая, сластолюбивая, без всякого движения в душе, она понимала только чувственную жизнь.

Виконт де Мармон любил ее до безумия, больше, чем она желала, для нее существовала только та страсть, которая начинается вечером и прекращается утром. Проснувшись, она предпочитала чашку шоколада платоническим излияниям; небольшой кусок ветчины казался ей гораздо приятнее поцелуев мужа. Для ее укрощения и обуздания необходима была сила, все прочее оказывалось бесполезным. К несчастью, Мармон, несмотря на всю свою дерзость, был платоник в любви, он много говорил о наслаждениях, но слишком часто не шел дальше предисловия.

Как бы то ни было, но однажды разнеслась молва, что виконт де Мармон, женатый на красавице шотландке и проживавший в Париже, разошелся с ней по несходству характеров, так как один из супругов был холоден как лед, а другой пылок как огонь.

Это известие удивило целый уголок Парижа. Знали хорошо, что виконт ревнив, что прекрасная шотландка любила страстно балы, театры, скачки, летние поездки на север и юг и пренебрегала своим домом; что вся ее привязанность сосредоточивалась, конечно, не на муже... Но, во всяком случае, она была не хуже прочих женщин, которые ищут удовольствий, потому что им нечего делать. Никто не предвидел столь быстрой развязки в виде развода, ибо со дня свадьбы прошло только три года.

Что стало с молодой женщиной?

Виконт де Мармон отправился в свое перигорское имение, чтобы избежать выражения соболезнования, и, вероятно, все поскорее забыть; прекрасная шотландка, без сомнения, возвратилась на родину, в старый замок, где познакомился с нею виконт во время охоты. В Париже все совершается так быстро, что спустя несколько недель перестали говорить как о муже, так и о жене.

Развод произошел в последний карнавал; наступило 13 декабря, несчастный день; следовательно, уже полгода Мармон жил уединенно, страдая душой и телом.

Кухарка, не теряя времени, пошла за простыней, чтобы накрыть ею своего хозяина.

– Самая тонкая простыня! – сказала она, развертывая ее перед огнем. Потом, обращаясь к Лашапелю, продолжала: – Все это удивительно. Оба молодые и красивые, и что же? Какой конец! Жена где-то пропала без вести, муж умер. Видите ли, барин слишком любил барыню, и любовь его была настоящая тиранья.

– Тс! – сказал друг виконта.

Но кухарка продолжала словно самой себе:

– У него было доброе сердце, но иногда он приходил в бешенство. Когда убежала его жена, выгнал всех из дома. Я самовольно вернулась через несколько дней и по-прежнему разговаривала с ним откровенно; и если осталась, то потому только, что не осуждала его жену; он умер с горя, бедняжка.

Лашапель хотел сперва отослать кухарку на кухню, но потом стал внимательно слушать.

– Что же, в сущности, произошло между ними? – спросил он вполголоса.

– Барин бил барыню; барыня была прелестна, но немного глупа. Ее постоянно окружали влюбленные. Не скажу, что она заходила слишком далеко, но тем не менее устраивала для

барина адскую жизнь; поэтому в дни ссор я всегда боялась, что он пустит в ход револьвер или кинжал. Вам известно, что в минуты гнева барин не помнил себя. Так-то, как говаривала моя мать, никто не избегнет своей судьбы.

Священник спросил тогда у лакея, давно ли заболел виконт де Мармон; лакей недавно поступил в дом и потому предоставил кухарке отвечать за него.

– Вот в чем дело. Барин сначала прожил здесь пять недель, оплакивая разлуку с барыней; он был в отчаянии, и я думала, что он никогда не утешится. Однако ж барин подавил наконец свое горе. Я посоветовала ему съездить к родным в Периге. У него нет в живых ни отца, ни матери, но есть сестра, которую он очень любил. Поездка утешила его несколько, но все же он возвратился, совершенно убитый горем.

Затем кухарка рассказала, что по своем возвращении виконт пожелал устроить себе спальню в той самой комнате, в которой умер; при этом ссылаясь на то, что комната выходит в сад, по которому он гулял день и ночь; напрасно кухарка говорила ему, что эта комната сыра, – он приказал поставить в ней постель, говоря, что каждый день станет топить камин. С наступлением осени кухарка высказала ему, что комната настоящая могила и что следует перейти на второй этаж; но никакие ее убеждения не могли побудить виконта расстаться с этой комнатой.

– Без сомнения, бедняжка непременно хотел умереть здесь, – прибавила кухарка в заключение своего рассказа.

И, в свою очередь, обмакнув древесную ветвь в святую воду, окропила покойника с истинной верой простых людей.

Смерть уже наложила свои безжизненные тени на лицо виконта. Еще не закрыли глаз де Мармону, но, очевидно, чувство зрения уже угасло в нем.

Опять наступило молчание; всякий смотрел на покойника, силясь разгадать тайну смерти.

Тогда сказала кухарка:

– Огонь гаснет.

Она зажгла развернутый журнал, чтобы растопить камин, но обожглась и бросила на пол горящую бумагу; огонь от последней перекинулся на приготовленный саван.

Тогда произошла одна из тех странных сцен, в возможности которых сомневаются даже сами очевидцы.

Глава 2. Тайны смерти

Умерший полчаса тому назад, смерть которого подтверждена врачом, накануне еще утративший всякое чувство и доживавший в беспамятстве последние часы, не могший даже поднять головы при напутствовании святыми дарами... встал с поразительной быстротой, соскочил с постели, протянул высохшие пальцы, схватил горевший журнал и саван, бросил их в камин и возвратился к постели, на которую упал без движения к величайшему ужасу всех присутствовавших.

Врач подбежал к нему и, прикладывая руку к сердцу виконта и поднося зеркало к его губам, вскричал:

– Он умер! Умер!

Кухарка, в свою очередь, подбежала с пузырьком в руке.

– Полноте, – сказал ей врач, – вы можете облить его уксусом четырех разбойников, и он не дрогнет.

Священник стал читать молитву.

Мертвого уложили в постель и повели разговор о странном случае.

По словам врача, некоторые нервные натуры сохраняют еще искру жизни, хотя по наружности они совершенно мертвы; этим объясняется их минутное возвращение к жизни, но, во всяком случае, это последняя искра.

Лашапель, практичный человек, любящий добиваться объяснения всему, задавал себе вопрос: по какой причине Мармон, после двенадцатичасовой агонии, уже мертвый, почти похороненный, мог испугаться горевшего журнала, который упал на ковер? Какое ему дело до земных происшествий, даже до пожара в доме? Это удивляло Лашапеля тем более, что характер виконта был очень беззаботный: будь он здоров, не стал бы тревожиться из-за пожара.

После минутного размышления Лашапель, казалось, открыл причину: он полагал, что его друг, отличавшийся таинственностью, скрыл под паркетом золото и драгоценные вещи.

Мы вышли из дома вместе с Лашапелем. Он высказал нам свое мнение о сокровище виконта. Маркиз Сатана предложил ему сигару, чтобы не выразить своих мыслей.

Вечером, рассказывая в обществе женщин легкого поведения, пообедавших в Золотом Доме, случай ожившего мертвеца, Лашапель был до того неосторожен, что вторично высказал свое предположение о сокровище, вероятно, спрятанном на том месте, где лежал ковер.

Эти слова не пропали даром.

В числе женщин находилась одна, которая в течение нескольких недель являлась любовницей виконта до его брака. После развода виделась с ним, но не могла ни утешить, ни воскресить его любви. Во всяком случае, она, добровольно или насильно, была вхожа в дом.

Этой женщиной была упомянутая выше Роза-из-Роз.

– Ах! – вскричала она. – Виконт умер, не простившись со мною. Это тем хуже, что он обещал дать мне долю в наследстве. Он был пресмешной человек, подарил мне бриллиантовые серьги и отнял их накануне своей свадьбы. Правда, заплатил мне за них, но все же серьги мои.

Она дала себе слово побывать у виконта на пути домой.

Глава 3. Отчего Роза-из-Роз упала в обморок

Роза уехала рано, желая посетить умершего.

Кухарка не благоволила к ней, однако к кому ж еще было обратиться около половины двенадцатого ночи? Со слезами на глазах Роза сунула кухарке в руку стофранковый билет, умоляла позволить ей взглянуть на умершего, ссылаясь на свое знакомство с ним и повторяя, что это был единственный человек, которого она любила.

Кухарка, расправляя стофранковый билет, отвечала, что не находит в этом ничего дурного, но что в комнате умершего сидит сестра милосердия, которая ни за что в мире не сойдет со своего места.

– Скажите ей, что я сестра покойного; это тем правдоподобнее, что, по словам виконта, мы очень похожи друг на друга.

Кухарка, по-видимому, решила и пошла вперед. Возвратясь через несколько минут, она сказала Розе, что сестра милосердия, уступая просьбе, оставит ее на два часа с покойником.

Кухарка провела Розу к смертному одру.

– Если вам сделается страшно, позовите меня, – предложила кухарка, утирая две слезинки уголком передника.

– Чего мне бояться? – прошептала Роза. – Я никогда не делала ему зла, а он всегда желал мне только добра.

– В таком случае я отведу сестру милосердия наверх, где она уснет ненадолго, а между тем, если достанет сил, я приберу в доме.

Роза осталась наедине с мертвецом, но недолго смотрела на него: не за тем ведь пришла сюда. Она приблизилась к камину, в котором весело горел огонь, и взглянула на опаленный ковер.

– Здесь.

Комната освещалась только двумя восковыми свечами и каминным огнем; поэтому Роза зажгла свечи на камине, потушенные в момент смерти виконта.

– Здесь, – повторила она, отрывая ковер при помощи носка и каблука туфли. Потом топнула ногой по паркету: ей показалось, что под полом зазвенело золото и драгоценные вещи. Как проникнуть под паркет, куда влекла ее непреодолимая сила?

Роза хотела сперва сделать кухарку участницей своего предприятия: женщина стоворчивая, взявшая, не задумавшись, стофранковый билет. По всей вероятности, она не откажется от другого билета за свое участие в тайне, тем более что Роза не хотела украсть наследство, а только надеялась отыскать свои бриллиантовые серьги, а также и те драгоценные вещи, подарить которые обещал ей виконт несколько раз. Вот и все.

Она позвонила, но кухарка не пришла на зов.

Она позвонила еще раз, отворила дверь и позвала Викторию – такое имя носила кухарка. Не дождавшись, сама отправилась за ней со свечой в руке и нашла ее в глубоком сне перед расходной книгой.

– Виктория! – сказала Роза, тряся ее за плечо.

Но Виктория спала тем сном, который охватывает человека после утомительных дней, полных волнения.

Роза возвратилась, говоря:

– Тем хуже для нее, я одна сумею справиться.

Она прихватила поварской нож, полагая, что он окажет ей существенную услугу, и вошла в комнату мертвеца. Сердце Розы сильно забилося, но она победила свое волнение.

Она с лихорадочной торопливостью принялась за дело и вскоре заметила, что ковер был прибит у камина медными гвоздями и по ширине камину соответствовал; следовательно, предположение Лашапеля оказывалось в высшей степени вероятным. Но как вытащить шесть гвоздей? Роза попробовала сделать это ножом, но при первой же попытке отломился кончик орудия; тогда она стала действовать ножом как долотом, и вскоре извлекла все гвозди.

Ковер снят; как теперь сладить с паркетом? Всматриваясь пристальнее, она заметила, что размеры предполагаемой крышки тайника совершенно соответствуют размерам снятого ковра.

Роза уверяла себя в невозможности поднять паркет, но непреодолимая сила удерживала ее на коленях. Жадным взглядом она впилась в кусочки дерева, под которыми скрывалось сокровище. Ей мерещились бриллианты.

– Странно! – сказала она вдруг, заметив дюжину винтов; следовательно, паркет можно снять, как ковер. Но величина тайника приводила ее в изумление.

Подумав, Роза решила, что виконт, без сомнения, не призывал слесаря всякий раз, когда хотел полюбоваться на свое сокровище. Почему бы ей не повторить то, что проделывал он?

Не веря даже в возможность достигнуть цели, она попробовала отвернуть один винт концом обломанного ножа; винт легко вывернулся. Продолжила с прочими и без особенных препятствий извлекла остальные винты.

Как поднять эту часть паркета, почти такую же тяжелую, как дверь у погреба? Воля дает силу и ум. Роза засунула два пальца в отверстия для винтов, ближайших к камину, и потянула вверх часть паркета, которая наконец уступила ее усилиям; в первый раз она выпустила крышку тайника из рук, но во второй подняла ее настолько, что в образовавшуюся щель смогла просунуть щипцы и порадоваться своей победе.

– Наконец-то! Стало быть, нет ничего невозможного.

Роза просунула руку в щель и отдернула ее с трепетом, но захватила одну серьгу.

– Точно лед там лежит, – сказала она себе. Посмотрела на серьгу: это был камень в восемнадцать каратов.

– Не странно ли, что я тотчас напала на нее? – удивилась Роза своей находке. – А другая серьга? – Опасаясь, что ее застигнут во время работы, поднялась и заперла дверь на задвижку.

А возвращаясь к камину, увидела себя в зеркале и испугалась своей бледности. Взглянула на покойника, будто хотела сказать ему: «Не бойся; я ничего больше не возьму». Потом стала на колени и сразу откинула приподнятую часть паркета.

Перед нею предстало такое зрелище, что Роза вскрикнула и упала в обморок.

Глава 4. Сокровище виконта

Что же увидела Роза? Она еще лежала в обмороке, когда через некоторое время прибежала перепуганная кухарка, не знавшая, как долго проспала. Она очень удивилась тому, что дверь заперта на задвижку.

На ее стук не последовало ответа; она окликнула, ей не отвечали.

– Что произошло? Не испугалась ли она?

Кухарка опять окликнула; страх обуял ее, и она побежала будить сестру милосердия.

Был час ночи. Все соседи спали. Слышался только шум ветра. Кухарка сожалела о том, что осталась на ночь одна с сестрой милосердия, ибо в случае несчастья нельзя было рассчитывать на постороннюю помощь.

– Видите ли, сестра, – сказала Виктория, потрясая дверь в комнату мертвеца, – если дверь не отопрется, то нам останется одно: влезть в окно, выходящее в сад.

Но дверь недолго сопротивлялась усилиям Виктории, обладавшей руками Геркулеса и железными ногами. Задвижка отскочила. Сестра милосердия вошла первая и тотчас увидела Розу, лежавшую около камина.

– Ого, – сказала кухарка, – она здесь уснула.

Сестра милосердия подошла поближе. И, в свою очередь, вскрикнула и упала на колени, но сохранила присутствие духа.

– Что это значит? – спросила кухарка.

Вдруг она отступила на шаг в сильном испуге.

Она узнала виконтессу де Мармон в саване, с открытой головой, в могиле, вырытой ее мужем.

– Бедная женщина! – воскликнула Виктория, складывая руки. – Кто бы мог подозревать, что она здесь.

Сестра милосердия спрашивала глазами кухарку.

– Только Смерть могла бы вам ответить, – вздохнула Виктория, нагибаясь ниже, чтобы лучше рассмотреть покойницу.

Прекрасная шотландка была завернута в кисею и покоилась на ложе из ароматов, которые своим благоуханием заглушали трупный запах. Молодая женщина была набальзамирована по всем правилам египетской науки и потому, несмотря на шестимесячное пребывание в земле, сохранила свою красоту. Синеватые веки маскировали недостаток – запавшие глаза. Лоб, щеки и подбородок напоминали слоновую кость. Нос заострился. Губы еще были красны, потому ли, что их подкрасила она сама, или потому, что их подцветили после бальзамирования, и полуоткрыты. Видны были прекрасные зубы, стиснутые во время агонии.

Какого рода была агония?

– Посмотрите, сестра, – сказала вдруг кухарка, – у нее недостает одной серьги.

– Странно, – сестра милосердия откинула волосы умершей, – ухо разорвано.

Кухарка, не верившая тому, что Роза пришла с целью помолиться за умершего, указала тотчас:

– Это она взяла серьгу.

Виктория стала искать серьгу и нашла ее под рукой Розы.

– Так вот зачем она заперла дверь на задвижку! – промолвила кухарка.

Глава 5. Агония любви

– Понимаете? – спросил меня маркиз через несколько дней.

Я отвечал, что, по моему мнению, виконт Мармон убил свою жену в припадке дикой ревности.

– Да, убил ее, не предполагая убить. Он, как вам известно, бил ее; она была из храбрых, презирала его, смеялась над ним. На каждый удар отвечала смертельным оскорблением. В этот день подзадоривала его, говоря насмешливо, что изменила ему двадцать раз. «Молчи! Молчи!» – кричал он ей. Она продолжала. Виконт схватил ее за горло и задушил, как бешеную собаку.

– Безумие любви!

– Вы уже знаете, что он не помнил себя в гневе. Едва умерла прекрасная шотландка, как он застонал от скорби. Хотел убить себя, потом стал надеяться возвратить ее к жизни; ласки и поцелуи не помогли: она была мертва.

– Отчего же он не убил себя?

– Он заперся в той комнате, где задушил жену. После нескольких часов отчаяния утратил желание умереть и привязался к покойнице, которую пожирал глазами. Что делать? Он не хотел объявить всему Парижу: я убил жену, обратил в прах этот венец творения.

– И тогда, без сомнения, явилась у него мысль вырыть самому могилу для жены.

– Да, он хотел сперва похоронить ее в саду, но, обожая ее красоту, не мог решиться скрыть ее навсегда от глаз. Путешествуя по Египту в 1869 году, при открытии Суэцкого канала, виконт изучал мумии вместе с Теофилом Готье⁹ и одним армянином, который уверял, будто открыл древнее искусство бальзамировать. Вот почему им овладела одна из тех маниакальных идей, которые доводят до гроба; он решил забальзамировать жену и хранить ее почти на глазах, чтобы упиться своей скорбью, жить ею и умереть от горя.

– Гораздо проще было оставить ее в живых!

– Виконт никому не мог вверить своей тайны. Поэтому отказался от мысли похоронить убитую в саду, где мог бы выстроить подземную часовню, а вспомнил о той комнате, где убил жену и где она, еще не остывшая, лежала на софе. Под комнатой не было наката: паркет находился на слое асфальта, которым залили почву, чтобы предохранить здание от сырости. Вечером виконт отказал трем слугам, говоря, что на другой день отправляется с женой в длительное путешествие. И, оставшись один, совершил эту ужасную работу. На другой день вечером все было окончено.

Сатана рассказал потом, что в течение трех или четырех дней до своего путешествия и по возвращении в Париж виконт наслаждался созерцанием умершей жены. Следы быстрой агонии исчезли при бальзамировании. Убитая сделалась мертвенно-бледной, почти прекрасной и улыбающейся.

Виконт не мог долго прожить в подобном обществе. Он умер в комнате убийства, не имея времени перенести труп в сад, где, наверное, его никогда не нашли бы под слоем земли толщиной в несколько футов.

Под конец виконт предал себя Божьему милосердию, умирая ежедневно от тысячи страданий, поддерживая свою агонию созерцанием трупа, целуя ковер, когда не имел более сил открыть могилу.

– Вот почему гнев – смертный грех, – подытожил маркиз Сатана. – Он поражает и убивает.

⁹ Пьер Жюль Теофиль Готье (1811–1872) – французский поэт и критик романтической школы.

Он показал мне фотографическую карточку виконтессы де Мармон. Это была прелестная женщина с густыми белокурыми волосами и голубыми томными глазами. В виде насмешки на шее было надето сердце, пронзенное стрелой.

– Что касается Розы, – добавил маркиз в заключение, – то она не требовала серег. Когда вы ее встретите, заговорите с ней о ее страхе, и она расскажет вам, с каким ужасом напоминает белую фигуру, освещенную слабым светом восковой свечи. Расскажет, бледнея при одном воспоминании, как сорвала одну серьгу, коснувшись рукой холодного лица.

Книга третья. Земной ангел

Глава 1. Предложение Сатаны

Однажды утром маркиз Сатана сказал мне:

– Вы не верите в демонов, но, быть может, верите в ангелов. Вчера вы любовались женщиной, у которой на лице написана кротость и доброта; настоящее ангельское лицо.

– Вчера, где?

– В Опере, в соседней с нами ложе.

– Ах да.

– И вы смотрели на нее страстно, как влюбленный, готовый приступить к объяснению.

– Сперва мне казалось, что я знаю ее, но, наконец, я отвернулся, потому что не люблю терять напрасно время. Эта женщина способна любить только платонически.

Дьявол взглянул на меня насмешливо.

– Вы хорошо сделали. Лицо этой женщины есть зеркало ее души.

И маркиз Сатана рассказал мне историю дамы, прозванной «воплощенной добродетелью». Историю эту я знал отчасти.

Если бы Франция имела побольше таких капитанов, как Шарль Флерио, то все немцы были бы оттеснены за Рейн.

Оказав чудеса храбрости в битве при Мар-Латуре, он пролил свою геройскую кровь в Луарской армии. Его любили все, несмотря на различие мнений. Он же имел одну только приверженность – отечество; им руководил один только долг. Он был республиканцем во времена Республики, империалистом в эпоху Империи, и никто не смел обвинять его в шаткости убеждений.

Во время Коммуны он жил в Версале, страдая еще от ран, но скрывая свои страдания, ибо решил первым броситься в Париж.

На улице Оранжери он часто встречал молодую девушку, белокурую, бледную, высокую, худощавую, похожую на призрак; ее прелестное личико дышало невинностью; глаза были полны кротости, уста выражали целомудрие; с первого взгляда становилось ясно, что эта девушка незнакома с чувственными наслаждениями любви.

«Напрасно говорят, что нет больше невинных созданий, не ведающих притворства», – подумал капитан.

После трех встреч они обменялись взглядами с невыразимой нежностью. Капитан сознался, что прекрасные глаза небесно-голубого цвета расшевелили его сердце. Девушка, казалось, была также глубоко поражена.

При четвертой встрече они обменялись улыбками, как старинные знакомые.

– Так судьба велит, – сказал себе капитан, – чувствую, что до безумия полюблю эту молодую девушку.

При пятой встрече он поклонился с ласковой улыбкой.

– Позвольте мне отдать вам честь, – сказал ей Шарль Флерио. И положил руку на эфес шпаги. – Это старый друг, – продолжал он. – Если когда-нибудь вас оскорбят, ручаюсь, что моя шпага защитит вас.

– Меня никогда не оскорбят, – отвечала молодая девушка, делая шаг вперед.

– Как знать! – возразил капитан. – Вы так прекрасны, что нельзя молчать о вашей красоте.

– Я не поверю. Прощайте.

– Прощайте. Еще одно слово. Я должен вам сказать, что до встречи с вами я считал себя чужим в Версале; благодаря вам хочу вечно в нем жить.

– А я хотела бы бежать из него. Вы не можете представить себе, до какой степени я здесь скучаю; я живу в Версале на походную ногу, и вы сами видите, что на мне всегда одно и то же платье, но не смею вернуться в Париж.

– А, вы парижанка? Без сомнения, вы здесь с семейством?

– Нет, я сирота; был еще у меня дядя, но он убит при Рейхсгофене.

– Хороший человек! Если угодно, я буду вашим дядей.

– Вы очень молоды.

Эти слова задели капитана за живое; со своими черными волосами, большими усами и загорелым лицом он казался сорокалетним, хотя ему только сравнялось тридцать лет.

Он рассеянно пробормотал несколько вопросов, желая знать, есть ли у молодой девушки средства жить в Версале.

Она отвечала, что благодаря Богу имеет довольно денег, чтобы ждать окончания осады Парижа. Состояния у нее нет, но имеется от дяди наследство в несколько тысяч франков, не считая драгоценных вещей, доставшихся ей от матери.

– Как же вы проводите время в Версале?

– Скучаю; к счастью, на этих днях благодаря маркизе д'Арвер я нашла урок музыки и пения.

– А, вы поете?

– Как все. Прощайте.

На этот раз молодая девушка упорхнула, как птичка.

Капитан запел старую песенку: «Une fille est un oiseau»¹⁰ и сказал, припоминая стих Эмиля Ожье:

– Она прелестна, восхитительна, обворожительна!

Глава 2. Эклога капитана

Две мысли пришли капитану по двум противоположным дорогам.

– Ах, – пробормотал он. – Какое счастье быть ее любовником! Ах, какое счастье быть ее мужем!

И он подумал, что напрасно говорят худо о женщинах. Женщина более, чем мужчина, образ божества на Земле; она обладает всеми первобытными добродетелями: кротостью, милосердием, покорностью, преданностью.

Так размышлял капитан.

Не похожа ли встреченная им девушка на ангела, прячущего крылья? Не было ли небесного выражения в ее взгляде и в улыбке?

И он, любивший до сих пор только полногрудых женщин, нашел обворожительным художавый стан этой молодой девушки. Его влекли, скорее, стремления души, нежели похоть глаз и губ.

Он дал себе слово при первой же встрече узнать, где девушка живет. Судя по всему, жилище ее находилось недалеко от улицы Оранжереи, потому что он почти всегда встречал ее близ церкви Святого Людовика.

Но ни в этот день, ни на другой капитан не видел ее; это повергло его в сильную печаль, потому что дышал он только свиданиями. Затем предположил, что, вероятно, она пойдет к обеду, и на другой день утром отправился к церкви.

Действительно, девушка вскоре пришла, но не одна: ее провожал мужчина с невзрачной наружностью – один из тех разочарованных молодых людей, которые стремятся показать, будто принадлежат ко всем кружкам общества, поскольку следуют моде, но не способны усвоить

¹⁰ «Девушка и птица» (фр.).

изящества, какое присуще породе. Так что, несмотря на все усилия этих господ, сейчас видишь их происхождение.

Капитан был поражен. «Что это значит? – подумал он. – Не влюбленный ли это? Эта молодая девушка идет к обеду с подобным негодяем?»

Шарль Флерио не откладывал на завтра своего намерения разузнать все. Как все горячие натуры, он прямо приступил к делу и подошел к молодой девушке. Она не смутилась и не покраснела от того, что ее встретили в обществе упомянутого молодого человека, – лицо ее осталось таким же, как и в прошедшие дни.

– Я был уверен, что найду вас здесь, – сказал капитан.

– Да, я часто хожу в эту церковь; не так ли, кузен?

Она с обворожительной невинностью повернулась к «воплощенной моде».

– А, у вас есть кузен? – спросил капитан, пристально взглянув на молодого человека.

Потом с дерзостью прибавил: – Не убит на войне, как дядя?

– Это не его вина, что состоял он в вольных стрелках.

Вольный стрелок не выглядел воинственным, когда на него взглянул Шарль Флерио.

Эта сцена произошла на паперти.

– Сейчас начнется обедня, – сказал капитан, опуская пальцы в сосуд со святой водой, – прощайте. Если вы скажете мне свой адрес, я приду побеседовать с вами о вашем дяде.

Молодая девушка тотчас отвечала без всякого смущения:

– Улица Сатори, четыре.

– Ваше имя?

– Мари Леблан.

Капитан перекрестился.

– Эта святая вода пахнет духами, – пробормотал он, взглянув на «воплощенную моду», и протянул руку девушке, как будто желая вызвать его на дерзость, но последний нисколько не рассердился.

– До свидания.

Капитан вышел из церкви, ломая голову над тем, кто этот кузен, казавшийся самозванцем.

В тот же день он постучался к Мари Леблан.

Она с радостным лицом отворила дверь.

В своем домашнем кокетливом платье, с плохо убранными волосами и в туфлях из синего атласа, она была еще прекраснее.

– Ах, – сказал капитан, – плохо воевать с вами, я побежден, едва увидев вас.

– Однако же я без оружия.

– Вы обворожительны. Вашего кузена нет здесь?

Мари посмотрела на капитана самым невинным образом.

– Кузен не живет со мной.

– Он не нравится мне.

– И мне также; что же делать, я не могу прогнать его.

– Что он делает в Версале?

– И не говорите об этом. Я советую ему снова поступить на службу, но он любит только рядиться.

– Эти люди – истинная язва Франции; богат ваш кузен?

– Я не заглядывала в его карман. Знаю, что он не отказывает себе ни в чем, живет в отеле «Резервуар», нанимает виктории и ездит на Монмартр.

Мучимый ревностью капитан невольно спросил:

– Вы ездили с ним на Монмартр?

– О, только один раз; он сказал, что покажет в зрительную трубу тот дом, в котором мы жили с дядей.

– Ваш кузен сын вашего дяди?

– Нет, он из другого семейства.

– А, очень рад, ибо хороший солдат не может родить такого сына.

Мари, сев за фортепьяно, перебрала клавиши.

– Сыграйте мне арию из «Пуритан».

– Ах, я умею только вальсы.

– Вальсы! И вы даете уроки музыки! Ну, сыграйте вальс.

Молодая девушка с увлечением исполнила вальс.

– Видно, что вы много вальсировали.

– О, всего только три или четыре раза; вы знаете, женщины умеют вальсировать, никогда не учась.

Слушая один из вальсов, под звуки которых кружились знатные дамы империи, Шарль Флерио с любовью наклонился к Мари. Он вдыхал благоухание юности, распространяемое двадцатой весной музыкантши.

– Как прекрасна молодость, – прошептал он, – как прекрасна она, когда ее украшают целомудрие, невинность, добродетель!

Капитан знал только покупную любовь; он был рожден солдатом, и настоящей его любовницей было отечество; он, как и все, имел любовные приключения, но останавливался всегда при первом слове страсти, находя утешение в новой женщине и не воображая, что мог бы когда-нибудь играть роль сентиментального влюбленного. Его сердце было девственным лесом, куда он еще никогда не заглядывал. Поэтому он всецело предавался этой внезапной страсти, которая в его глазах придавала новый вид всем вещам: солнце ярче светило, небо было яснее, горизонт золотистее; вокруг разливалась радость. Храбрый и добрый до сих пор, он чувствовал себя теперь мужественнее и лучше. Он не мог не воскликнуть: «Прекрасная вещь любовь!»

Он провел целый час с молодой девушкой в прелестной любовной болтовне, в которой слова служат исходными точками тысячи тайных грез и невысказанных порывов. Истинный язык есть язык глаз и души; это единственное красноречие в любви.

Не один раз собирался он проститься с Мари, но не мог оторваться от обворожительной прелести зарождающейся любви. Наконец, простившись, с полминуты смотрел на нее, как будто боялся, что не увидит ее больше.

– Позвольте мне прийти завтра? – спросил он.

– Нет, – отвечала она, потупившись.

– Отчего?

– Я боюсь полюбить вас.

При этих словах, сказанных с безыскусной простотой, капитан нагнулся поцеловать девушку в лоб. Она не сопротивлялась и поднесла свое личико, покрытое ярким румянцем стыдливости.

Шарль Флерио едва удержался, чтобы не обнять ее; так хотелось прижать ее к своему сердцу.

– Прощайте, прощайте. Завтра я приду. – И он сбежал с лестницы, будто боялся, что вернется назад.

На другой день они встретились в парке, в роще Лавальер, как если бы назначили здесь свидание. Не сумею выразить, с каким восхищением капитан отыскивал цветы в траве и подавал их Мари.

Она целовала и прятала их на груди. Шарль Флерио хотел разделить цветы; начался весьма поэтический любовный спор. Молодая девушка краснела, капитан также краснел, говоря:

- Вот розы, которые я хотел бы сорвать на ваших щеках.
- Эту сцену нарушил известный светский лев; он прошел мимо и поклонился влюбленной.
- Вы знакомы с ***? – спросил ее капитан.
- Да, это мой кузен.
- Капитан закрутил усы.

Глава 3. Как женятся

Во время Коммуны я жил в Версале, подобно многим парижанам, которым приходилось плохо в родном городе. Я знал немного капитана Шарля Флерио. Однажды он вошел ко мне без доклада, как человек, мало заботящийся о подобных пустяках.

- Есть что-нибудь новое, капитан?
- Да, – отвечал он, – сегодня дело идет не о взятии Парижа, а о женитьбе.
- Надеюсь, вам не нужен мой совет?
- Я только за ним и пришел.
- Вы полагаете, что я даю советы?
- Да, даровые. Вот в чем дело, слушайте внимательно. – Я подал ему сигару и огня. – Я

удивлю вас: я влюблен. В Версале мне встретилось самое обворожительное создание – молодая девушка с золотистыми волосами и белая, как лилия. Никогда в жизни я не видел ничего прелестнее. А какая грация! Какая кротость! Это воплощенная греза. Одним словом, идеальная женщина.

- Да, кажется, есть и такие на свете.
- Я не верил, но, увидев ее, признал себя побежденным.
- В таком случае вы счастливее; вам остается только получить реванш.
- Кажется, она и я скованы одной и той же цепью. Знаете ли, что затрудняет меня?
- Говорите.
- Видите ли, я по своему произволу могу стать любовником или мужем этой девушки.

И вот что заставляет меня просить у вас совета.

– Я не замедлю дать его: как только вы окажетесь в положении ее любовника, не стоит труда становиться еще мужем.

На лице капитана мелькнуло выражение худо скрытого нетерпения.

– Вы отвечаете мне шуткой; будьте серьезны, потому что я говорю серьезно. Я обожаю эту девушку. Она – воплощенные сердце и душа; мне кажется профанацией сделать ее своей любовницей.

– Любезный капитан, вы похожи на всех, требующих совета. Вы уже решились и станете следовать только тем советам, которые соответствуют вашим желаниям.

– Нет, я не таков; если вы скажете мне, что не должно жениться на сироте, не имеющей ни семейства, ни состояния, я не пойду ни в церковь, ни к мэру.

– Не мое дело судить о денежном вопросе; однако же замечу, что в настоящее время платья стоят очень дорого; но так как молодая девушка, будучи вашей любовницей, издержит на свои наряды гораздо больше, чем будучи вашей женой, то лучше обвенчаться с нею. Что касается вопроса о семействе, то здесь представляется столько доводов за и против, что я промолчу.

- Ну, ваш совет не совсем удовлетворителен.
- Видите, у вас имелось твердо принятое решение, когда вы пришли ко мне.
- Может, вы будете моим свидетелем?

– О нет, будь это дуэль на шпагах, не отказался бы. Теперь вы, конечно, быстро приметесь за дело, хотя настоящая минута неудобна для свадьбы. Давно вы знаете свою прелестную невесту?

– Моя невеста еще не невеста; я знаю ее не так давно, даже совсем не знаю, но угадываю и чувствую, что, промедли я здесь еще пять минут, она не будет моей женой.

Капитан обезумел, и ничто в мире не воспрепятствовало бы ему жениться на Мари Леблан.

Я заговорил о его матери.

Он отвечал, что молодая девушка была бы ангелом-хранителем его матери и его самого, поскольку нарисовал трогательную картину своей жизни с ней. Картина эта навеяла ему мысли золотого века.

– И вы будете моим свидетелем, – объявил он в заключение, – или, правильнее сказать, одним из свидетелей со стороны Мари, потому что у нее нет никого, кто подвел бы ее к алтарю.

– Как! – вскричал я. – Нет даже кузена?

Капитан умолчал о двух кузенах. Он так глубоко любил, что не осмеливался оскорбить ее подозрением.

– Еще одно затрудняет меня, а именно пригласительные билеты. Написать: «Госпожа Флерио имеет честь уведомить вас о браке Шарля Флерио, своего сына, с девицей Мари Леблан» нетрудно, но как написать: «Девушка Мари Леблан имеет честь уведомить вас о своем бракосочетании с господином Шарлем Флерио»?

– Вы правы, капитан: останется только означить одинаковый с вами адрес. Но если эта девушка ангел, как вы уверяете, то почему вы не отвезете ее до брака к вашей матушке? Сообщив: «Госпожа Флерио имеет честь уведомить вас о бракосочетании девицы Мари Леблан с Шарлем Флерио», вы убедите всех, что получаете жену из рук своей матери.

Капитан горячо пожал мне руку, словно я спас его от беды. Он ушел, сказав, что займется приготовлениями к свадьбе. На пороге я посоветовал ему трижды повернуть языком во рту, прежде чем произнести «да».

Он отвечал, что сделает еще лучше; мы должны были встретиться в Версальском парке, и, если я, увидев девушку, найду ее недостойной, он, несмотря на все горе, прервет с ней всякое сношение.

Встреча произошла; хотя я намеревался отнестись скептически, однако, признаюсь, был обезоружен ангельской чистотой Мари Леблан; ее наружность, взгляд, улыбка, голос, поза – все выражало чистоту души. Ее нос показался мне слишком заостренным, а губы несколько тонкими, но ничто не нарушало в ней стыдливой скромности молодых девушек, еще не знакомых с грехом любопытства.

Кроме того, капитан был так счастлив, что я боялся собрать тучи на его горизонте. Ведь он был для меня просто знакомый. Я не имел права читать ему нравоучения и удовольствовался тем, что не выразил восторга, но согласился, что молодая девушка – прелестнейшая картинка во всем Версале.

– Да, – сказал мне капитан, – прелестнейшая картинка, которая, однако же, не скоро утратит свежесть красок.

Глава 4. Первая неделя медового месяца

Вступление в Париж помешало капитану заключить брак в Версале, как он предполагал. События разлучили нас. Он не возобновлял просьбы быть его свидетелем, так что о его браке я узнал из пригласительного билета. Шарль Флерио последовал моему совету: на первой странице мать извещала о бракосочетании своего сына, а на второй – о браке девицы Мари Леблан.

Я увиделся с капитаном не раньше годовщины битвы при Шампиньи, когда мы оба явились поклониться дорогим теньям. Я нашел его далеко не радостным, а бледным и печальным.

– Любезный капитан, – обратился я к нему. – Простите, что я не поздравил вас письменно, узнав о вашей свадьбе; но события так быстро сменяются одни другими, что не имеешь времени подумать о друге.

Он сообщил мне, что очень счастлив и ведет весьма уединенную жизнь.

– Совершенно справедливо: счастье любит скрываться.

Мы пожали друг другу руки и расстались. Об этой встрече я сохранил грустное воспоминание. «Решительно, – сказал я сам себе, счастье – печальная вещь».

Если хотите знать, почему счастье – печальная вещь, то возвратимся к медовому месяцу капитана.

Когда было подавлено возмущение, капитана повысили, и его простая ленточка превратилась в бант. Разумеется, этот бант впервые прикрепила ему Мари Леблан. Он не хотел больше ждать и желал быть так же счастлив в любви, как и на войне. Бракосочетание совершилось почти через две недели; капитан взял отпуск, чтобы съездить в Оранж, представить молодую своей матери. Дом наполнился радостью. Мать, правда, знала, что невестка небогата, но полагала, что для счастья не нужно денег. Притом же молодая была так прелестна! Во всем округе Оранж ее приветствовали как новое светило.

Шарль Флерио повез Мари на юг, чтобы доставить ей развлечение, потому что через неделю семейной жизни она, казалось, стала немного скучать. Но напрасно указывал он ей на ландшафты и памятники, на море и берега; жена его призналась ему, что тоскует по родине, а родиной ее был Париж.

– Все это прекрасно, но я уже видела – на декорациях в театре.

Капитан решился отправиться в Париж в конце медового месяца. К счастью, его полк стоял тогда в Пепиньере, но он стал беспокоиться: а вдруг как пошлют в провинцию или в Африку? Что скажет тогда молодая жена, которая так любит Париж? «Тем хуже, – подумал капитан, – надо приспособливаться к обстоятельствам; станем ловить минуты, не заботясь о завтрашнем дне».

Он поселился с женой на Елисейских полях, в отеле «Лорд Байрон», в котором жили одни только иностранцы. Шарль Флерио хотел завтракать и обедать в своей комнате, но госпожа Флерио уже не была стыдливой фиалкой. Она так упрашивала мужа, что они стали завтракать и обедать за общим столом.

– Очень забавно, – говорила Мари, – видеть лица всех иностранок, которые хотят подражать парижанкам.

Вскоре она заметила, что если парижанки предписывают моду американкам, то последние прививают первым свою страсть к приключениям.

Капитан не находил ничего дурного жить в обществе иностранцев, но вскоре заметил, что такая жизнь очень нравится его жене: за столом она возвышала голос, отваживалась вступать в разговор, была почти запанибрата со всеми, поэтому в очень короткое время сделалась душой общества.

Однажды вечером Шарль Флерио сказал своей жене:

– Этот общий стол опротивел мне; Боже сохрани меня от ревности, но я нахожу, что сидящий рядом с тобой испанец слишком много разговаривает, так что поглощает все твое внимание и не дает мне времени сказать слово.

– Ну, мы обменяемся местами, и все мое внимание будет посвящено тебе, – предложила ему жена с самым целомудренным видом.

В течение нескольких дней не было и речи об испанце, но однажды за завтраком капитан, опоздав на несколько минут, нашел того сидящим по другую сторону и продолжающим прерванный разговор с Мари.

– Ты села не на свое место, – выговорил он жене, не имея сил скрыть свое неудовольствие.

Молодая женщина немедленно заняла свое прежнее место и так прелестно улыбнулась, что Шарль Флерио сожалел о сказанных им словах. Завтрак прошел в молчании. Возвратясь в свою комнату, молодая женщина заплакала, и муж просил у нее извинения в своей грубости.

– Говорил тебе, что не следует обедать за общим столом: если тебя забавляют эти люди, то на меня наводят скуку.

– Что делать? Для развлечения у меня нет полка, есть только фортепьяно. Слушаясь тебя, я разучусь говорить.

Шарль Флерио поцеловал свою жену:

– Ты права; сам я неразговорчив, и нет у нас в Париже друга, достойного бывать в нашем доме.

– Однако не могу же я сидеть в четырех стенах.

– Да, ты опять права. Нельзя ли тебе гулять в саду или прохаживаться на Елисейских полях?

– Сад хорош только для детей; что же касается прогулки на Елисейских полях, то я согласна, если ты дашь мне викторию.

– Викторию?

– Одноконную викторию. Я была бы в восхищении, а ты гордился бы своей женой.

– Ты полагаешь, что я не горжусь тобой?

– Нет, потому что меня никто не видит.

– Но, моя милая, экипаж заводят только богатые или разоряющиеся.

– У твоей матери больше ста тысяч франков.

– Сто тысяч франков – небольшая горсть золота! Знаешь ли ты, что на эти деньги можно прожить не больше ста дней среди безумной парижской роскоши!

– Что ж, так говорят все мужья. За шестьсот франков в месяц можно иметь экипаж; не жертвуешь ли ты для меня этими деньгами в течение каких-нибудь двух-трех месяцев?

На этот раз госпожа Флерио поцеловала мужа. Цепи были так сладки, что он оказался побежденным.

– Ну хорошо; завтра будет у тебя экипаж, но общему столу – конец.

На другой день в лесу появилась молодая и свежая красавица, по-видимому, принадлежавшая скорее к высшему обществу, чем к полусвету.

Шарль Флерио видел, как она выехала с улицы Лорда Байрона, и пожалел, что не отправился вместе с ней. Лошадь, виктория и кучер были изящны; капитан подобрал все отлично, как влюбленный и как человек со вкусом.

– Отчего же мне не доставить бедняжке удовольствия? – говорил он. – Когда поселимся в провинции и окружим себя детьми, ей некогда будет думать об этих пустяках. Молодость должна перебеситься.

Капитана ждали в казармах; он рано освободился и пошел в лес, надеясь еще встретить там жену; кроме того, ему хотелось подсмотреть, довольна ли она экипажем.

Он издали узнал ее и спрятался за группу деревьев. Она была еще прекраснее в своем удовлетворенном тщеславии. Но каково же было удивление капитана, когда он заметил, что его жена делала рукой знаки в ту и другую сторону.

– Она с ума сошла, – прошептал капитан.

Он следил за Мари глазами и вскоре заметил, что она очень развязно улыбалась молодому франту, ехавшему верхом. Виктория ехала шагом, и потому капитан в скором времени очутился у подножки.

– Довольны ли вы? – спросил он у жены.

– О да; я задыхалась в своей комнате; здесь я отдыхаю; садитесь со мной вместе.

Шарль Флерио не заставил просить себя вторично.

В течение нескольких минут он посматривал на все искоса, стараясь подметить, не продолжает ли она кланяться направо и налево; но она сидела спокойно в позе невинной девушки.

Капитан, не умеющий ничего скрыть, спросил жену, почему она раскланивалась туда и сюда, будто со всеми знакома.

– О боже мой, я поклонилась двум кавалерам, которых где-то встречала прежде, может быть, у своего дяди.

Глава 5. Вторая неделя медового месяца

Капитан, по обыкновению, обвинил себя.

Прошло несколько дней; напрасно он уверял себя, что не имеет никакой причины ревновать, – ревность терзала его сердце, он вздыхал о том времени, когда его полк пошлют в провинцию, но сердился на самого себя за свою подозрительность.

Однажды портниха его жены приготовила ему сюрприз: счет на две тысячи семьсот франков за летние платья. Показав его Мари, капитан сказал ей, что подобная портниха не по их состоянию.

– Черт возьми, я не думал, чтоб стоило так дорого одеть добродетель.

Молодая женщина заплакала и спросила, не хочет ли он водить ее совершенно без платья; она жаловалась на недостатки во всем – у нее только четыре пары ботинок и восемь шляпок.

До сих пор капитан не подозревал о подобном мотовстве.

В казармах он был тверд, а дома уступчив; его гнев таял от любви; кроме того, едва возвышал он голос, как Мари бросалась ему на шею и обезоруживала.

– Тем хуже, – говорил он, – счастье стоит дорого; нужно платить за свое блаженство.

Они написали матери, представив картину издержек юного хозяйства. Мать, ничего не положившая в свадебную корзинку, прислала десять тысяч франков. К несчастью, этих денег достало лишь на уплату долгов.

– Я была бы совершенно счастлива, – сказала однажды жена капитану, – если бы ты позволил мне съездить в Трувиль; это ввело бы тебя в моду.

– В моду! Я солдат, а не франт.

– Разве можно жить летом в Париже?

– Ведь у тебя есть экипаж для прогулок в лесу.

– Кто же теперь ездит в лес?

– Ты знаешь, я уже брал отпуск и теперь не имею права просить новый.

– Скажи, что хочешь ехать на воды лечиться от ран.

– Удивляюсь тебе, ты не знаешь препятствий.

Госпожа Флерио готовилась обнять мужа.

– Ты, конечно, не откажешь мне?

Капитан отказал в первый раз, но, повторив просьбу, Мари восторжествовала. Условились ехать в Трувиль.

На другой день после приезда Шарль Флерио убедился в том, что сделал глупость; его жена, под предлогом необходимости носить льняную одежду, заказала себе целую грудку костюмов для купания; по четыре на день, которые должны были заменяться новыми дважды в неделю. Из экономии отдали экипаж Бриону, но в Трувиле пришлось нанять другой, вдвое дороже.

Капитан опять написал матери, но обвинял не жену, а самого себя: придумал небывалые долги, будто бы сделанные до свадьбы; он надеялся скрыть их от матери, но теперь ясно видел, что из жалованья удовлетворить кредиторов не получится, и потому-то просил еще десять тысяч франков. Добрая женщина поверила, но, посылая деньги, предупредила сына, что при подобном образе жизни скоро исчезнет их небольшое состояние.

Капитан получил новый отпуск – на Трувиль – благодаря полковнику, который очень любил подчиненного и смотрел сквозь пальцы на его отлучки, говорил даже, что морской воздух ему полезен. С некоторого времени Шарля Флерио находили чрезвычайно бледным, но не подозревали, что истинные раны, подрывавшие его здоровье, были раны брака.

Глава 6. Прогулка в Гульгат

Шарль Флерио жил попеременно в Трувиле и Париже. Он пришел бы в восхищение от этой рассеянной светской жизни, если бы самые печальные предчувствия не терзали его сердце. Некоторые люди страдают за будущее точно так, как другие терзаются прошедшим.

Прибыв однажды из Парижа днем ранее, он не застал жену дома; ему объявили, что она уехала на заре в своем экипаже.

– Одна? – спросил он.

– Да, одна в виктории; но ее сопровождали несколько кавалеров, отправившихся вместе с ней в Гульгат.

– Кавалеры! Какие кавалеры?

– Не знаю. Те самые, которые гуляли с ней у моря.

Взбешенный капитан побежал курить сигару на морском берегу.

Сигара хороший советчик; капитан пошел по дороге к Гульгату, будто обязался встретить жену; он шел скоро, подстрекаемый ревностью; он сделал четверть лье, пол-лье, лье, но не встретил Мари. Уже хотел повернуть назад, как на изгибе дороги приметил лошадь.

– Как! – вскричал он. – С моей женой мужчина!

Он пошел прямо к виктории, как будто на врага. Вскоре они встретились.

– Мой муж! – сказала молодая женщина своему спутнику.

Тот побледнел от испуга, ибо не был солдатом.

Он принадлежал к тем молодым людям, которые проматывают состояние на женщин и ездят на воды с целью поправить свои дела через брак: законная жена должна заплатить долги законной любовницы.

Спутником этим был Жорж Гариссон, сын провинциального банкира. Триста тысяч франков, промотанных в три года, дали ему право убежища в полусвете; видя истощение кошелька, он отправился в Трувиль, питая безумную надежду соблазнить богатую невесту своим искусством ездить верхом, плавать и наряжаться по моде. В ожидании этого счастья он вел в виктории почти преступный разговор с госпожой Флерио.

Жорж Гариссон побледнел при виде капитана, но госпожа Флерио сохранила свой невинно-спокойный вид.

– Что вам угодно здесь? – спросил капитан молодого человека.

Последний не был трусом и, без сомнения, отвечал бы с достоинством, но молодая женщина с самым безыскусным видом сказала своему мужу:

– Мой друг, это мой кузен.

Это был третий кузен.

– Уж не много ли кузенов! – воскликнул капитан.

Жорж Гариссон вышел из виктории.

– Я уступаю вам место.

– Вы уступаете мне место! – сказал Шарль Флерио, подняв вверх свою перчатку.

– Понимаю, – отвечал молодой человек, – вот моя карточка.

Капитан взял карточку и, садясь в викторию, бросил ее к ногам жены.

– Пошел скорее! – крикнул он кучеру.

Потом, обратясь к молодой женщине, сказал:

– Потрудитесь-ка объяснить мне комедию с этим третьим кузеном!

И он посмотрел на Мари как на великую актрису.

Действительно, в этот день, как всегда, она была великой актрисой. С видом непритворной искренности говорила капитану, что нет ничего худого в прогулке в Гульгат; что из числа молодых людей, бывших там сегодня в одно время с ней, Жорж Гариссон утомил свою лошадь. Она считала его кузенком, потому что ее дядя называл Жоржа племянником. Бедняга при всех просил у нее позволения доехать в ее экипаже до Трувиля; в этом поступке она не видит ничего достойного порицания и в отчаянии от того, что капитан дурно смотрит на вещи, тогда как она глубоко его любит.

Во всем этом не было ни одного слова правды.

– Удивляюсь вашему притворству, – сказал жене капитан, едва сдерживая свое желание вытолкнуть ее из экипажа. – Как! Под маской невинности вы будете скрывать все проступки, не обнаруживая никогда волнения; вы творите зло, будто это была самая обыкновенная в мире вещь. О, я не знаю создания презреннее вас, потому что вы только надеваете маску добродетели.

Молодая женщина посмотрела на мужа, не утратив обычного вида невинности.

– Вы сумасшедший; я ни одного слова не поняла из того, что вы сказали.

– Хорошо, я объяснюсь: вы позорно обманули мою душу и сердце. Меня обворожило ваше лживое лицо. Я снизошел до того, что женился на вас. Это будет позором моей жизни, как стало уже позором имени. Третий кузен сходен с двумя первыми. Я вижу ясно, что в Версале, как в Париже и в Трувиле, вы недостойно изменяли мне, как последняя женщина!

Мари приподнялась.

– За это слово вы дорого заплатитесь, – сказала она пронзительным голосом.

Капитану показалось, будто сабля пронзила его сердце.

– Что это значит?

Молодая женщина не отвечала мужу и сделала кучеру знак остановиться.

Едва лошадь пошла шагом, как она выпрыгнула на дорогу, сказав капитану:

– Прощайте!

– Прощайте! – прошептал капитан, взбешенный невозможностью продолжать увещевание.

Трудно изобразить гнев и скорбь капитана; он обожал эту женщину, но из гордости не хотел позвать ее; кроме того, зачем прощать ее последнюю измену?

Тысячи противоположных мыслей боролись в его уме.

Когда отъехал экипаж, капитан повернул голову. Мари сбивала зонтиком головки репейника.

«Посмотрим, взглянет ли она на меня», – подумал капитан.

Действительно, она смотрела не на него, а на своего любовника.

– Жестокая! – выдохнул Шарль Флерио. Этот железный человек, не плакавший с детства, залился слезами. – Жестокая! Я строил свое счастье на безумной мечте! Это ангельское личико обмануло меня. Я считал добрым делом спасти от всех опасностей бедную и одинокую сироту. Верил в ее любовь! А между тем должен был сомневаться даже в ее благодарности. Я угодил в ад и спасся из него.

Капитан не сознавал еще, что этим адом была его жизнь.

Его беспокоила смешная сторона дуэли в Трувиле, который есть одновременно Париж и провинция: болтовня с одной стороны, сплетни – с другой, не говоря уже о газетных репортажах.

– Дуэль неизбежна, – решил капитан, топнув ногой. – Она докажет свету, что я женился на распутной женщине. Как мог я быть до того слабым, чтоб подчиняться всем ее капризам? Не следовало ли принудить ее жить в семействе?

Но, сердясь на самого себя, он уже чувствовал, что в его сердце зарождается прощение.

Глава 7. Без названия

Не доезжая немного до Трувиля, капитан приказал кучеру повернуть назад.

Он говорил себе, что если застанет жену с Гариссоном, то расстанется с ней навсегда; если же, напротив, увидит ее одну, без спутника, то посадит в экипаж и, конечно, предложит условия примирения. Капризам будет положен конец; она возвратится к семейному очагу с покорностью кающейся, которая, наконец, поняла серьезные обязанности супруги.

К немалому своему удивлению, он увидел Жоржа Гариссона, который также сбивал тростью головки репейника.

«Что бы это значило?» – подумал капитан.

Ему не суждено было узнать о случившемся. Вот история в двух словах.

Как только скрылся из виду экипаж капитана, молодая женщина пошла к своему любовнику.

– Знаешь, что случилось со мной? Он оскорбил меня, и я его бросила.

– Вернее, моя милая, капитан бросил тебя.

– Повторяю, я его бросила. Итак, моя участь решена; что бы он ни делал, я не вернусь к нему.

– Куда же ты пойдешь? – спросил ее холодно Жорж Гариссон.

На этот раз лицо воплощенной добродетели выразило оскорбленную гордость.

– Куда пойду? И ты спрашиваешь меня об этом? Я пойду к тебе.

– Полно! Ты знаешь, что это невозможно. Завтра я буду драться с твоим мужем. И не хочу осложнять дело.

Госпожа Флерио поглядела в лицо своему любовнику.

– Вы подлец. Вы встречаете меня брошенной на дороге и спокойно проходите мимо.

– Ну, я и иду себе, потому что подлец.

Затем он зашагал дальше.

Молодая женщина не верила своим глазам; она смотрела ему вслед, будучи твердо убеждена, что он вернется.

Но нет. По мере увеличения расстояния Жорж ускорял шаги, как человек, твердо решившийся на что-то.

Мари Леблан повторила вслед своему любовнику те самые слова, которые сказала мужу:

– За это слово вы дорого поплатитесь.

Жорж Гариссон позабыл о жене и думал только о муже. Дуэль так сильно занимала его мысли, что он не мог думать о любовном приключении, тем более что связь с Мари Леблан была для него простым капризом, продолжать который он не хотел. Позавтракал с нею в Гульгате; десерт прошел очень весело, и Жорж, в противоположность капитану, не желал добиваться большего счастья.

Тем не менее Мари Леблан не задумывалась над своим положением. В Трувиле ее осыпали любезностями; она не сомневалась, что, утратив разом мужа и любовника, найдет нового поклонника.

Поэтому, когда на дороге, в двух ружейных выстрелах от Жоржа Гариссона, ее встретил капитан, лицо ее имело обычное выражение спокойствия и кротости. Она, не шевельнув бровью, сдерживала душевные бури, как прибрежные скалы ярость волн; правильнее сказать, она была до того бессовестна, что в ее сердце не оказывалось уголка для угрызений совести; с удивительной естественностью она делала зло, не удивляясь ничему и подчиняясь стремлениям естества с мусульманской беззаботностью. Зная Мари хорошо, стоило бы удивляться одному: ее привычке лгать, но ложь ближе к природе, чем истина; ложь есть доспехи слабых и робких,

доспехи женщин, которым пришлось бы идти без брони в бой, если бы они придерживались истины.

Следовательно, Мари Леблан только повиновалась второй природе; она действовала напрямик, любя новизну и, до безумия, шум и роскошь. Ее лицо, выражавшее стыдливость, стояло в резком противоречии с ее плотью и душой. Она беззаветно, как восточные рабыни, предавалась: вы желаете меня, вот я. Одним словом, это было прекрасное чудовище целомудрия.

Почему Мари вышла за Шарля Флерио?

Потому что он хотел на ней жениться. Она подчинилась этому желанию без увлечения, но и без борьбы. Притом ее забавляло замужество, особенно с военным, получившим крест в то время, когда армия была на военном положении.

До тех пор она жила чем Бог пошлет, переходя беззаботно от одной связи к другой, потому что для этого бесстрастного сердца мужчина всегда был мужчиной.

Рассказ о дяде был такой же выдумкой, как и все прочие ее рассказы. Поводом послужила ее мать, жившая в качестве любовницы и служанки у одного старого полковника, который позволил ее дочери учиться музыке, чтобы потом девушка сама могла давать уроки.

Но уроков она никогда не давала. Шестнадцати лет сбежала из дома и стала любовницей флейтиста из театра Валентино; от флейтиста она возвысилась до молдаванского князя, который, как говорят в мастерских, отполировал ее.

Куколка превратилась в бабочку.

Во всем Париже все, кроме капитана Шарля Флерио, знали истину о девице Мари Леблан.

Об этом браке говорили мало, потому что капитан был неизвестен в бульварном мире; мало-помалу, когда молодая женщина стала опять появляться в лесу, однако в обществе своего мужа, никто не хотел верить, что они обвенчаны, так что капитан, справедливо гордившийся шпагой, не видел, в какую пропасть упал.

Возвратясь назад, он вышел из экипажа и подошел к жене.

– Мари, – обратился он к ней. – Ради чести моего имени вы должны приехать со мной в Трувиль.

– Вы вернулись тем более кстати, – прозвучало с обычной кротостью, – что я не в силах больше идти пешком.

Очарованный прелестью этого милого и проклятого голоса, капитан подал руку жене.

– Хорошо, – улыбнулась она. – Вы стали опять таким, каким были до отъезда в Париж.

– Что произошло со времени моего отъезда? Скажите мне всю правду.

– Только то, что вы видели.

Мари Леблан взглянула на мужа своими небесно-голубыми глазами.

Шарль Флерио, стремившийся снова предаться своим иллюзиям, начал сомневаться в измене жены. Подумал, что самая ее невинность губит ее в его глазах. Если она виновна, почему не хитрит, подобно женщинам, которые скрывают свое поведение? Осмелится ли изменница посадить своего любовника среди белого дня в открытый экипаж?

«Все равно, – думал капитан, – у нее слишком много кузенов».

Прибыв в Трувиль, сели обедать, не прерывая молчания.

– Поедем куда-нибудь сегодня вечером? – спросила молодая женщина, вставая из-за стола.

– Да, если вам угодно встретить третьего кузена.

– Вы опять принимаетесь за старое? Я думала, все забыто.

– Я не забываю.

Мари Леблан взяла свечу и отправилась в свою комнату.

– Куда вы едете?

– На бал в казино; вы знаете, сегодня праздник.

– Да, сегодня праздник.

Капитан остался курить в столовой и спрашивал себя, возможно ли, чтобы его жена забыла так скоро.

«Стало быть, у нее нет ни ума, ни сердца? И, однако же, в наших разговорах она ежеминутно обнаруживает недюжинный ум; у нее быстрый и верный взгляд; она угадывает прежде, чем я выскажу свою мысль. Эта женщина настоящая загадка для меня».

Капитан поднялся наверх – взглянуть, действительно ли Мари собирается на бал. Она сидела полураздетая перед круглым зеркалом и убирала себе голову натуральными цветами. Таким образом, он видел ее сзади и спереди, и никогда еще жена не казалась ему столь прелестной. Улыбалась себе как истая кокетка, изучающая свои малейшие движения.

Магнетизм был сильнее гордости: капитан потихоньку подошел к жене, думая, что она его не видит, нагнулся поцеловать ее в плечо. Но Мари заметила его и, быстро повернув голову, подставила губы для поцелуя.

– Нет, – сказал капитан, опомнившись. – Я не хочу быть дураком и не позволю теперь водить себя за нос.

Молодая женщина снова принялась убирать себе голову, будто ничего не случилось.

– Поклянись мне, – сказал ей муж, – что ты не изменила.

Мари Леблан повернула голову.

– Разве я осталась бы здесь, если бы оказалась недостойной вас?

– В самом деле, – прошептал капитан. – Если только ты не последняя из тварей.

Мировая была скреплена поцелуем.

– Но ты не поедешь на бал.

– Поеду, если ты любишь меня; кроме того, я должна быть там: что станут говорить о тебе, если я не приеду?

Капитан вполне одобрил это мнение.

– Ты, наверное, права, – сказал он громко, потом прошептал: – Положительно, я был глуп, глядя на вещи с трагической точки зрения. Лучшим доказательством ее невинности служит желание ехать на бал.

Мари убедила супруга в том, что он, как умный человек, должен все забыть, даже дуэль. В самом деле, эта дуэль накинёт на нее тень подозрения, а она, жена его, не хотела бы этого. По ее мнению, следовало драться с Жоржем Гариссоном тогда только, когда он сделается дерзок.

Разумеется, Шарль Флерио сопровождал свою жену. В этот вечер она была прелестнее, чем когда-либо, и лучезарной радостью затмила первых красавиц.

Жорж Гариссон также приехал на бал, но, увидев капитана вместе с женой, пошел в игорную комнату, прошептав: «Несчастный в любви счастлив в картах».

Капитан был в этот вечер счастливейшим человеком на свете.

Ибо счастье наступает после бури. Это радуга после грозы.

Глава 8. Пропать

Но недолго был счастлив Шарль Флерио. До отъезда в Трувиль он еще раз заметил, что Мари слишком предаётся рассеянной жизни; она ненавидела дом, или, правильнее сказать, ее домом стало казино; там только она дышала свободно.

Для ее мужа наступило новое мучение по возвращении в Париж, где Мари снова принялась за рассеянную жизнь: лес, театр, концерты на Елисейских полях – все летние удовольствия. У нее проявились стремления к крайней роскоши: она стала поговаривать о бриллиантах, посещать, в свою очередь, Ворта, выслушивать советы по моде; начала намекать на лошадей госпожи Мюзар и госпожи Паива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.